Маргарита Фомина

Бриджит Бардо

Икона стиля

Выдающиеся женщины всех времен и народов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Историю Бриджит Бардо можно назвать подлинной историей превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя. Косоглазая, с кривыми зубами, она была вынуждена с детства носить скобы и очки, чтобы избавиться от «сюрпризов» природы. Родители, предприниматели, видели в качестве жениха дочери какого-нибудь сына юриста, чтобы таким образом надеяться на стабильность в ее жизни. Но девочка влюбилась в танцы. Ради красивой осанки она готова была часами ходить со стаканом воды на голове! А дальше были Национальная академия танца и удивительное превращение невзрачной девчушки с тускло-каштановыми волосами в прекрасную юную леди. Счастливый случай, щедро приправленный трудолюбием, сделали свое дело, и Бриджит заметили: сначала она блистала на страницах журналов, а потом и влюбляла в себя как актриса. В картине «И Бог создал женщину» Бардо обнаженной танцевала на столе, превратившись в предвестницу сексуальной революции, которая хлынула следом. Вершиной карьеры актрисы стал фильм «Истина». После громкого успеха завистники начали охоту на «прекрасного лебедя». Неудачи в личной жизни, прослушивание телефонных разговоров и силки сплетен едва не погубили звезду — она пыталась покончить с собой. Спасли друзья и любимое кино. В конце концов разочарование в людях переродилось в душе Бриджит Бардо в стремление стать защитницей животных. Чтобы открыть фонд, она продавала драгоценности и жертвовала личными сбережениями. Сегодня ее имя внушает уважение и восторг. Потому что второго такого таланта не найти. Потому что таких, как Бриджит, больше нет.

- Маргарита Фомина
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Заключение

Маргарита Фомина
Бриджит Бардо. Икона стиля

Введение

Двадцать восьмого сентября 1934 года на свет появилась будущая мадонна Франции и секс-символ шестидесятых двадцатого века — Бриджит Анна-Мари Бардо. Ее красота и успех могут поспорить с красотой и успехом самой Мэрилин Монро. Эти две яркие личности жили в одно и тоже время, и им даже посчастливилось пересечься. Встреча эта произошла в Англии, когда Бриджит пригласили на встречу к Ее Величеству на прием.

Девушка, тогда еще дебютантка богемного мира, зашла в первую попавшуюся гримерную, чтобы как можно скорее привести себя в порядок, поправив макияж и прическу. Следом за Бриджит зашла и Мэрилин, которая тоже ужасно нервничала, предвкушая встречу с королевой.

«Какая она красивая, — это была первая мысль, посетившая тогда Бардо, — она просто великолепна!». Взгляды девушек встретились буквально на доли секунды…

Итак, как же появилась на свет Бриджит? Она родилась в родительской квартире, на площади Вьоле в пятнадцатом округе Парижа, что в пяти минутах ходьбы от Эйфелевой башни, прямо в кровати свой матери. Роды прошли благополучно, и девочка родилась абсолютно здоровой, вес ее при рождении составлял три килограмма двести грамм. Согласно семейной традиции, девочка обрела в кругу семьи такие забавные прозвища, как Бриштон и Бри-Бри. Родители будущей примадонны Франции также были людьми с «изюминкой». Но оно так и должно быть, разве могла такая дочь родиться у простых людей?..

Мать Бриджит, Анна-Мари Мюсель, родилась в Париже в 1912 году, но выросла девушка в Милане, в шумной французской колонии. Там она получила образование, какое в то время было принято давать самым благородным барышням — другими словами, девушка занималась, в основе своей, музыкой и танцами. Тоти — так называли ее все друзья и самое близкое окружение. Женщина это была красивая и очень утонченная, с выразительными темно-зелеными глазами, элегантными манерами и строгими правилами поведения, освоенными в стенах школы.

Отца Бриджит звали Луи Бардо, друзья прозвали его Пилу. Будущий отец родился в Париже в 1896 году. Юноша с успехом окончил, получив диплом инженера, Высшую электротехническую школу, позднее отец ввел его в семейное дело, фирму «Шарль Бардо и Ко», производившую сжатый воздух и ацетилен. Выглядел Пилу высоким седеющим блондином. Он гладко зачесывал

волосы назад, а круглые очки только подчеркивали строгие черты его лица. Пилу был очень красноречив и за словом в карман не лез, однако его патрицианская внешность оказывалась обманчива. Пилу был человеком с чувством юмора и, по мнению многих окружавших его друзей, был настоящей душой компании. В более поздние годы он купил виноградник, чтобы делать собственное вино, и научился ходить на яхте под парусом, ему очень нравилось испытывать дух приключений.

Молодые Тоти и Пилу познакомилась на званом обеде в Милане в начале 1933 года. Пилу, которого в Италию привели дела, сидел на одном конце огромного стола и, как водится, сыпал остротами. Поскольку по возрасту он был старше остальных гостей, все буквально смотрели ему в рот. В особенности Тоти, которой он не на шутку запал в душу с первого взгляда. Набравшись мужества, она перебралась на конец стола и, усевшись рядом с ним, сказала: «Мне хочется сидеть поближе к солнцу». Это была любовь с первого взгляда, которая позднее переросла, разумеется, в нечто более серьезное и глубокое.

Их свадьба была очень красивой. Невеста была хороша собой, необычайные чистота и свежесть исходили от нее и ее белого платья. Жених, высокий, стройный, в ладно сидящем черном костюме, казался самым счастливым человеком на свете: после долгих поисков он наконец нашел спутницу жизни…

К тому времени как на свет появилась Бриджит, Пилу уже возглавлял семейный бизнес. Его контора находилась в доме № 39 на улице Винез, то есть в самом центре французской столицы по соседству с площадью Трокадеро. Правда, большую часть времени Пилу проводил на принадлежащей их фирме фабрике в парижском пригороде Обервиль. Пилу привык относиться ко всему, в том числе и к семейному делу, со всей серьезностью, и его рабочий день начинался в шесть утра. А вот по натуре он все-таки был мечтателем и романтиком, и Тоти частенько говорила, что Пилу идет по жизни с розой в руке.

Он был из тех мужчин, что раскланиваются и целуют дамам ручки — истинный романтик старой школы. Пилу постоянно носил при себе блокнот, в который записывал приходившие ему в голову мысли. Порой это бывал анекдот о его собственной семье. Порой — любовное послание, которое он затем оставлял на прикроватном столике Тоти, чтобы та, проснувшись, могла его прочесть. Но чаще всего это были стихи, причем, весьма неплохие. Используя в качестве псевдонима свое домашнее прозвище, он опубликовал несколько поэтических сборников, в том числе и «Vers En Vrac» — «Стихи оптом», которые принесли ему Вокеленовскую премию Французской академии слова. Кроме

того, месье Бардо, как ветеран первой мировой войны, являлся кавалером ордена Почетного легиона и Военного креста.

И хотя поэзия воистину была его страстью, он вскоре развил не меньшее пристрастие к небольшой кинокамере, которую купил, когда Бриджит исполнился год. Задолго до того, как девочка узнала о существовании кино, она уже «блистала» в домашних лентах Пилу.

Глава 1
Ранние годы

Бриджит прошла через руки нескольких нянь, и ее ранние годы можно считать безмятежными и размеренными. Первой ее гувернанткой была итальянка, и Бриджит до сих пор бегло говорит на этом языке. Девушка называла ее Доди и очень сильно к ней привязалась, это была юная, но очень преданная девушка. И Бриджит, вероятно, чувствовала с ней себя особенно безопасно. Бриджит всегда успокаивало ее итальянское журчание речи, и она могла безмятежно засыпать в своей кроватки.

«Бабуля Мюсель, — рассказывает Бриджит, — мамина мама, в ту пору привезла из Италии молодую особу, выросшую в сиротском приюте. При бабушке она находилась в качестве служанки и была прелестна и преданна, как никто.

Дада стала Бриджит второй матерью, она души в ней не чаяла. Перед сном она рассказывала девочке сказки на итальянском.

С площади Вьолет, где семья Бордо прожила приличное время, они перебрались в квартиру на авеню де ля Бурдоннэ, находящуюся под сенью Эйфелевой башни, а позднее — в еще более просторные апартаменты в доме № 1 по улице ля Помп. Семья занимала девять комнат на пятом этаже, обставленных старинной мебелью. Посередине квартиры тянулся громадных размеров коридор — от прихожей и до кухни, по соседству с которой обитала прислуга. Само здание смотрелось внушительно и солидно — иными словами, это был престижный адрес, — даже несмотря на то, что от гидравлического лифта сотрясалась вся квартира.

Пилу очень хотел наследника и того, кто сможет продолжить семейное дело, как и Тоти, которой очень хотелось бы обрадовать горячо любимого супруга. В надежде произвести на свет долгожданное дитя, родители Бриджит предприняли вторую попытку. Абсолютно уверенная, что ждет мальчика, Тоти даже не задумывалась о девичьих именах.

Когда же в мае 1938 года родилась вторая дочь, они с Пилу остановили свой выбор на самом незамысловатом сочетании имен — Мария, в честь самой Тоти, и Жанна, в честь ее матери. Так сестра Бриджит получила при крещении имя Мари-Жанна, однако в свидетельство о рождении по чьей-то оплошности закралась ошибка, и на бумаге закрепилось имя Мари-Жан. Вряд ли это имеет большое значение, поскольку, как и все остальные в

семье, она также удостоилась прозвища — Мижана.

«Нелегкое дело быть сестрой Бриджит Бардо, — признается она, — нелегко было с самого начала. То есть не тогда, когда Бриджит превратилась в кинозвезду, а с того момента, когда мне был от роду один час. Недавно она призналась, что когда я появилась на свет, она страшно меня ревновала. Мне это понятно. В конце концов, после того, как на протяжении первых четырех лет жизни она была единственным ребенком в семье, неожиданно появляюсь я и порчу ей всю картину. Более того, ведь мои родители ожидали мальчика, и все были просто уверены, что в семье появится сын, а когда Бриджит увидела, что получила сестру, когда ей стало ясно, что в доме появилась еще одна девочка, ей было очень трудно примириться с этой мыслью».

Ничем не отличаясь от других детей-первенцев, которым приходится делить родительскую любовь с кем-то еще, Бриджит прочно застолбила свою территорию.

Когда девочки подросли, их обеих отправили на воспитание в католическую школу. После занятий за ними приглядывала гувернантка, которую сестры довольно комично прозвали «La Big». Ну, а поскольку Тоти заботило, в первую очередь, то, чтобы подруги ее дочерей происходили исключительно из приличных семей и отвечали ее строгим требованиям, девочки почти не общались с обычными детьми. Бриджит росла воспитанной, робкой и застенчивой.

Знаменитая актриса вспоминала: «В детстве я обычно действовала на нервы матери, потому что она шила мне симпатичные платья, а я отказывалась их носить. И тогда она наказывала меня, не разрешала идти на прогулку, пока я не причешусь и должным образом не оденусь. А я всегда была растеряшей».

В те дни она воспринимала себя гадким утенком, некрасивой девчонкой с редкими волосенками, с пластинкой на неровных зубах, в очках — которая к тому же время от времени страдала от аллергической сыпи.

— У меня отвратительный нос. Рот тоже никуда не годится. Верхняя губа тяжелее, чем нижняя, словно опухшая. Щеки слишком круглы, а глаза, наоборот, малы, — говорила девочка.

Отец Тоти был крупным седобородым мужчиной с веселым лицом. Звали его Исидор, сам он величал себя Леон, а вот внучки называли его исключительно Бум. Он служил в страховой компании и остался в Италии даже после того, как фирма предложила ему вернуться во Францию. Ведь Милан — это, в первую очередь, Ла-Скала, а Бум обожал оперу. Его жену Жанну девочки называли Мами — именно она оказала самое сильное

влияние на судьбу Бриджит.

Мами была всего на девять лет старше Пилу, но основательно заботилась о своей внешности и всячески себя холила и лелеяла. Мами неизменно стремилась быть примером того, как нужно одеваться и следить за собой. Нет ни малейшего сомнения в том, что Бриджит была ее любимицей, а привязанность к внучке — взаимной. И в последующие годы друзья семьи продолжали отзываться о Жанне Мюсель с большой теплотой — о том, какой удивительной была она женщиной, как она боготворила Бриджит, и как та умела ее растрогать. Отец Пилу, Шарль Бардо, был инженером-металлургом. Умер он в 1941 году. Несколько лет спустя, когда мать Пилу, Гиасинт, заболела, она переехала к сыну на Рю де ля Помп. Гиасинт также была по-своему примечательной натурой. Во время парижской выставки 1889 года — той самой, для которой месье Эйфель построил свою башню — в норвежском павильоне ей на глаза попался просторный деревянный дом, модель «образцового шале». Гиасинт влюбилась в него с первого взгляда и решила, что непременно должна приобрести его.

И хотя эта постройка менее всего вязалась с архитектурным стилем Франции, Шарль приобрел ее в качестве свадебного подарка. Гиасинт приказала разобрать дом — бревнышко по бревнышку — и перевезла его на свою родину в Лувесьенн, неподалеку от Парижа, где заново его отстроила.

Это удивительный старый дом, где Бриджит и Мижану провели немалую часть своего детства — с Пасхи и до осени они приезжали сюда с родителями на выходные. Кстати, дом этот до сих пор остается во владении семьи.

Когда девочки повзрослели, их начали отправлять на зимние каникулы в Межев кататься на лыжах, а летом — на несколько недель на юг Франции, где они частенько гостили у друзей семьи в небольшой деревушке Ля Круа-Вальмер, неподалеку от Сен-Тропеза. У этих знакомых был участок на склоне холма, где посреди полей в окружении розовых кустов стояли три мраморных павильона, построенных еще до войны и сильно разрушенных. Там не было ни окон, ни дверей, ни мебели. Дни, проведенные там, детская память сохранила как «восхитительные и полные поэзии». Родители спали в одном из домов, дети — в другом, а третий служил чем-то вроде общей столовой. Соседний пляж был совершенно пуст и целиком в их распоряжении.

Когда девочки подросли, их отдали в Аттемар, частную школу, весьма популярную у парижской буржуазии. Уже сам этот факт свидетельствует о достатке семьи Бардо. Тем не менее, по мнению Бриджит, полученное ею образование мало чем могло пригодиться в реальной жизни. Например, секс входил в число

запретных тем. Спустя годы первый муж актрисы, Роже Вадим, любил рассказывать историю о том, что Бриджит в свои 17 лет была столь наивна, что искренне полагала, будто мыши откладывают яйца.

Как того требовало положение в обществе, а также тогдашние взгляды на воспитание детей, Пилу и Тоти воспитывали дочерей в строгости, стремясь прочно вложить им в души нечто вроде викторианских ценностей, причем это стремление подкреплялось суровой дисциплиной со стороны Тоти.

Иногда она кричала на дочерей, что это не их дом, что они просто живут в ее доме, и если она захочет, то при желании выкинет их на улицу. Она так и заявила им, что вольна в любую минуту выставить их за дверь.

Когда однажды, играя, сестры разбили старую китайскую вазу, их мать не только отшлепала, их но и заявила, что дочери не смеют обращаться к родителям на «ты». Теперь они обязаны обращаться к матери и отцу только на «вы», как обычно принято в разговоре с незнакомыми и малознакомыми людьми. Подобное наказание произвело на девочек столь глубокое впечатление, что пока Тоти и Пилу были живы, дочери продолжали обращаться к ним на «вы», несмотря на то, что всем остальным говорили «ты».

Для Бриджит этот случай явился поворотным моментом в жизни. «С тех пор мы больше не чувствовали себя их детьми. У меня не было такого чувства, что это мой дом, это был дом моих родителей».

Бриджит говорила, что у нее аллергия на ставни и окна, на засовы и замки. У мамы была страсть все запирать. Буфет с вином и ликером — на замке. Комод у нее в спальне — на замке. Аптечка — на замке. А ключи Тоти постоянно теряла.

Зато мама, очень рассеянная с ключами, была очень внимательна к тому, как ее дочери убирают постель. Каждое утро им приходилось стелить все заново. По этому случаю окно раскрывалось на целых 10 минут. Девочки складывали одеяло с простыней край в край, как в армии, а их отец оценивал…

— Меня до того замучили этой проклятой застилкой, что, если на простыне была хоть складочка, я глаз сомкнуть не могла, вставала среди ночи и разглаживала, натягивала, чтоб заснуть наконец спокойно, — говорила потом актриса.

Поскольку Тоти сама училась балету, она стремилась привить Бриджит и Мижану любовь к музыке и танцу, и обе сестры с семи лет посещали танцкласс Марсель Бурга, в прошлом — звезды Гранд Опера. Надо сказать, что Мижану не блистала особым талантом, а вот Бриджит оказалась не лишена дарования, демонстрируя завидную природную грацию, и вскоре приступила

к более серьезным занятиям. Друзья, знавшие сестер в эти дни, дружно заявляли, что из них красавицей была Бриджит, в то время как Мижану бог наградил мозгами.

Мижану получила аттестат зрелости в 15 лет, то есть гораздо раньше своих сверстников. В то же самое время Бриджит, которая, по ее собственному признанию, в школе не блистала успехами, все сильнее сосредотачивала свои усилия на балетной карьере.

В 1947 году, когда ей было всего 13, ей позволили попробовать свои силы на вступительном экзамене в престижную Национальную академию танца. Число мест было ограничено, а отбор — чрезвычайно жестким. На просмотр явились семьсот юных дарований — почти все они были старше и гораздо опытнее Бриджит и главное — получили более основательную подготовку, и тем не менее именно она оказалась в числе восьми зачисленных счастливчиков. На протяжении последующих трех лет она три раза в неделю посещала класс Жанны Шварц, а позднее — блестящего преподавателя, но сущего тирана, Бориса Князева.

Глава 2
Балет и Князев

Это был странный человек, пожалуй, даже немного сумасшедший. Сам он в двадцатые годы был звездой Гранд Опера, причем, на сцену вышел поздно, в возрасте 24 лет, что весьма редко для балета. Но что еще более важно, этот русский танцовщик знал, как воспитывать балетную смену, и благодаря своему уникальному таланту взрастил после войны целое поколение артистов балета. При его поддержке одна из девочек, на три года старше Бриджит, от балетного станка попала прямо на главную роль в фильме «Американец в Париже» с участием Джина Келли. Это была Лесли Карон.

Бриджит была высокой и стройной, преисполненной элегантной грации. Ее прозвали Бишет, что означает лань. Она обладала необходимой балерине грацией и пластикой, ей явно недоставало трудолюбия. И Бриджит преобразилась благодаря суровой требовательности Князева. Он научил ее двигаться. И это умение она сохранила на всю жизнь.

«Ни у кого в мире нет такой удивительной походки, — утверждали ее друзья в прессе. — Стоит ей пройти мимо, как все невольно оборачиваются. Даже сейчас. И это не имеет ни малейшего отношения к тому факту, что перед нами — Бриджит Бардо. Она могла быть кем угодно, и все равно на нее бы смотрели. Сказывается балетная подготовка. Когда она идет, все в ней — сама гармония».

Как это ни парадоксально, но именно сей факт стал причиной специфических для Бардо проблем. Кем только она ни переодевалась, чтобы обмануть толпу! Ей приходилось надевать парики и платки, прятать глаза за огромными стеклами очков. Но стоило ей сдвинуться с места, сделать буквально два шага, как поклонники или папарацци тотчас разгадывали ее. Было просто невозможно скрыть эту божественную походку. Отчасти есть в этом и заслуга Князева.

От писательницы Симоны де Бовуар также не скрылось это качество. Она разглядела его очень рано, окрестив Бриджит совершеннейшим образцом двуликой нимфы. «Если смотреть на нее сзади, ее стройное, мускулистое тело танцовщицы кажется почти бесполым. О ее женственности свидетельствует ее прекрасная грудь. Длинные мягкие пряди, словно у нимфы, ниспадают ей на плечи, но в целом такая прическа скорее подошла бы какой-нибудь неприкаянной душе. Линия ее рта

кажется по-детски обиженной, и в то же самое время эти губы словно молят о поцелуе. Она любит ходить босой, она отворачивает носик от элегантных нарядов, драгоценностей, корсетов, духов, косметики и прочего. И все равно ее походка полна чувственности — уверена, что любой святой согласился бы продать душу дьяволу, чтобы только взглянуть, как она танцует».

Посещая школу, Бриджит, конечно, мучилась. Она танцевала и зубрила уроки, и с трудом дожила до экзаменов в балетной школе! Экзамены проходили на сцене Опера Комик, состав экзаменационной комиссии — впечатляющий. И Бриджит умудрилась занять первое место в школе!

После столь успешного учебного года папа с мамой решили повезти детей на каникулы в Межев. Сняли прекрасную квартиру с окнами на Монблан. Детей записали в бассейн отеля Резиданс — самой шикарной межевской гостиницы!

Бриджит очень понравился инструктор, она стеснялась своего купальника, но была так счастлива! Впрочем, уже через несколько дней, мать порвала ее абонемент в бассейн, и Бриджит тогда проплакала весь день.

Но неделю спустя Мижану невольно избавила сестру от наказания. Она заболела брюшным тифом и в бассейн стала ходить Бриджит.

В начале сезона 1948 года, когда Лесли Карон и несколько других девушек из класса Князева получили приглашение в «Балет на Елисейских полях», Бриджит стала постоянной фигурой за кулисами — неизменно, в сопровождении Пилу, она внимательно наблюдала, как работает труппа и как бы со стороны брала уроки мастерства.

Однако надежды получить постоянное приглашение в балет испарились, когда труппа отправилась на следующий год с гастролями в Египет. Трудно сказать, как сложилась бы судьба Бриджит, окажись она тогда в числе приглашенных в гастрольную поездку — при условии, конечно, что и родители дали бы свое согласие. Многие убеждены, что сложись все немного по-иному, из Бриджит получилась бы звезда французской балетной сцены.

Но как бы то ни было, Бриджит и дальше посещала занятия у Князева.

Глава 3
Неожиданный поворот

В послевоенные годы Франция медленно выходила из затянувшегося кошмара оккупации. Стране требовалось буквально все отстраивать заново, в том числе и национальное самосознание. Казалось, будто темноту снова прорезал луч света. Поначалу, как бывает в подобных случаях, свет больно резал глаза, заставляя моргать, но как только это прошло, повсюду закипела работа.

В разгар этого своеобразного культурного рассвета, что медленно разгорался над Парижем — со временем это явление станет известно как Сен-Жермен-де-Пре, — произошло и возрождение высокой моды. В 1948 году Тоти решила открыть бутик, использовав под магазин две комнаты их квартиры на улице де ля Помп.

Одним из нового поколения дизайнеров и предметом ее искреннего восхищения был Жан Барте. Как-то раз он обмолвился в разговоре, что намерен создать свою первую послевоенную коллекцию, и Тоти предложила устроить им совместный показ моделей, взяв за основу балетную тему. По мнению Тоти, он мог бы представлять каждую свою новую шляпку под классическую музыку, а вместо обычных манекенщиц выпустить на подиум девочек из балета. А если его эта идея по-настоящему заинтересует, у нее уже имеется идеальная кандидатка.

Так Бриджит удостоилась приглашения. Показ коллекции Барте состоялся в художественной галерее на улице Фобур де Сен-Оноре в конце января 1949 года, и под музыку каждый раз в новой шляпке появлялась четырнадцатилетняя девчушка, одетая в пачку с черными лентами и розовым корсажем. К несчастью для манекенщицы, она, по ее собственному признанию, «чувствовала себя в дурацком положении».

Однако это первое приглашение повлекло за собой новое. У Тоти была приятельница по имени Мари-Франс де ля Виллюше, которая теперь являлась главным редактором журнала «Jardin des Modes» («Сад Моды»). Узнав, что Бриджит принимала участие в показе моделей, — а ей было известно и то, что Бриджит танцует, — мадам Виллюше позвонила Тоти. Она будет просто в восторге, заявила редакторша, если Бриджит даст согласие сфотографироваться для специального приложения к их журналу. Тоти не возражала. Бриджит также загорелась этой идеей, и 22 марта 1949 года снимки увидели свет.

В конечном итоге этот разворот оказался на столе у Элен Гордон-Лазарефф, основательницы и легендарного редактора журнала «Elle». Возможно, дальше этого дело и не пошло бы, но одна из профессиональных манекенщиц, чьи снимки планировались в ближайший номер, неожиданно заболела. Слегка запаниковав, поскольку срочно требовалась замена, хозяйка журнала позвонила своей приятельнице Мари де ля Виллюше, дабы поинтересоваться, кто эта незнакомая ей и совершенно очаровательная модель. Кончилось тем, что мадам Виллюше дала ей телефон Тоти. Элен Гордон-Лазарефф, не откладывая дело в долгий ящик, набрала номер мадам Бардо, дабы узнать, свободна ли ее дочь в ближайшее время.

На этот раз Тоти начали одолевать сомнения. Одно дело — выручить старую приятельницу, друга семьи. И совсем иное — позволить юной девушке из приличной парижской семьи ввязаться в такое сомнительное дело, как профессиональный показ мод. Разумеется, как только Бриджит стало обо всем известно, она тотчас принялась умолять мать, чтобы та разрешила ей сняться для «Эль», и, видя решимость дочери, Тоти сдалась. Правда она поставила одно условие — имя Бриджит не должно фигурировать в подписях к снимкам.

За ее профиль и силуэт, появившиеся на обложке майского номера 1949 года, «Эль» заплатил Бриджит 50 тысяч старых франков (около 50 фунтов). Верная данному обещанию, мадам Гордон-Лазарефф вместо полного имени манекенщицы поставила буквы Б. Б.

Для девочки, которой еще не исполнилось и пятнадцати, увидеть себя на обложке одного из самых престижных журналов мод Франции равносильно головокружительному приключению. Как-то раз днем в городском автобусе Бриджит заметила, что сидящая напротив нее женщина держит в руках номер с ее портретом. Женщина не узнала в ней красавицу с обложки, и Бриджит поймала себя на том, что злится. Чтобы как-то отыграться, Бриджит привела к себе домой веселую компанию подружек по Аттемару. По пути она останавливалась у каждого газетного киоска и, тыча пальцем в заветный журнал, с гордостью объявляла, что это она.

Глава 4
Кинопроба

Но и на этом можно было поставить точку, не случись так, что актеру Даниэлю Желену и его жене, актрисе Даниэль Делорм, срочно потребовалась няня. Они сдавали одну комнату в своей квартире неподалеку от Триумфальной арки красивому темноволосому юноше, который поставил себе цель непременно сделать карьеру в кино. То был начинающий сценарист, и единственным местом, где он мог работать в тиши и спокойствии, был туалет. Там он и запирался, чтобы писать сценарии. Обычно хозяева не обременяли его просьбами посидеть с их маленьким сынишкой Ксавье, но поскольку им то и дело приходилось отлучаться из дома, а ребенка без присмотра оставлять было нельзя, Вадим согласился.

И вот однажды, когда в отсутствие родителей он следил за сынишкой Желена, ему на глаза попался пресловутый номер журнала Elle. Девушка на обложке заставила его ахнуть. На следующий день, когда Вадим отправился в студию, где он работал помощником режиссера Марка Аллегре, он прихватил с собой журнал. Воспользовавшись именем Аллегре, он сумел выудить у сотрудников редакции имя девушки и ее домашний адрес, и вскоре на Тоти свалилась новость, что Аллегре желает предоставить ее дочери шанс пройти кинопробу, о чем он и извещал мадам Бардо в своем письме.

До этого самого момента, хотя Бриджит ничего не имела против работы манекенщицы, она все еще надеялась танцевать в балете. Новое предложение звучало еще заманчивее. Тем не менее, Тоти настороженно отнеслась к такой вульгарной вещи, как кино. Более того, неуклюжая девчушка в очках, с пластинкой во рту и экземой на локтях, с каждым днем все больше и больше превращалась в хорошенькую, грациозную женщину с красивой фигурой. Тоти было нетрудно представить себе, какие коварные соблазны ожидали юную девушку в шоу-бизнесе. Бриджит лишь в 16 лет было позволено выходить по вечерам из дома без провожатых. И то, этим правом она могла воспользоваться лишь раз в месяц, при условии, что домой она вернется до полуночи.

Склонный к излишней предосторожности, Пилу еще в большей степени, чем его супруга, мучился сомнениями относительно приличия данного предложения. Но Бриджит ужасно хотелось попробовать силы. Когда же ей стало ясно, что родители категорически против, она собралась с духом и ввела в

бой «тяжелую артиллерию».

Ей удалось перетянуть на свою сторону Мами, а та, в свою очередь, заручилась поддержкой Бума. Таким образом, Бум убедил Тоти, что если та позволит Бриджит встретиться с режиссером и выяснить перспективы своей работы в кино, в этом не будет ровным счетом ничего страшного. Вот так, благодаря его уговорам, они и встретились с режиссером Марком Аллегре.

В квартире Аллегре на седьмом этаже дома по улице Лорда Байрона, что в паре кварталов от квартиры Желена, была назначена, встреча, на которую Бриджит прибыла в сопровождении матери.

Дверь открыл ассистент режиссера, молодой темноволосый красавец. Его звали Роже Вадим.

Глава 5
Роже Вадим

— Когда я впервые увидел Бриджит, ей было всего четырнадцать, и у меня было такое чувство, будто она перенеслась сюда с какой-то другой планеты. Казалось, она шагнула из какого-то другого измерения. Я тогда сказал самому себе: «Господи, эта девчонка — неземное создание! — вспоминал Роже Вадим спустя годы.

Этот юноша был рожден 26 января 1928 года в Париже. Род его берет свое начало со времен Чингисхана, который пожаловал одному из своих племянников часть русских земель. После разгрома татаро-монголов в дальнейшей истории клана поворотную роль сыграла Великая октябрьская революция. Мать Вадима, Мария-Антуанетта Ардилуз, была французской актрисой, а отец, Игорь Николаевич Племянников, — эмигрантом из России. Покинув Россию, Игорь Племянников попал во Францию, где быстро вышел на дипломатическую стезю. Он дослужился до консула, представляя Францию в Турции и в Египте. Став дипломатом, представлявшим интересы Франции в Турции и Египте. Там, в Александрии, Каире, Стамбуле, и прошло яркое и насыщенное детство Вадима. Когда у Игоря Племянникова родился сын, он назвал мальчика Вадимом — согласно французским законам, ребенку в обязательном порядке полагалось французское имя, на сей счет в каждом магистрате имелся перечень официально одобренных имен, и если вы отказывались выбрать имя из этого перечня, то ваш ребенок вообще оставался без имени. Именно поэтому мальчика назвали Роже Вадим Племянников. Когда же Роже подрос, он отбросил труднопроизносимую русскую фамилию. Правда, задолго до этого его французское имя Роже тоже оказалось отброшенным за ненадобностью, поскольку душа юноши была скорее русской, нежели французской, и с тех пор он стал известен как Вадим.

Скончался Игорь Племянников рано, в возрасте всего тридцати четырех лет — однажды утром за завтраком, на глазах у восьмилетнего сына, у него случился сердечный приступ. После преждевременной кончины отца мать с сыном перебираются на Юг Франции, а по окончании войны — в Париж. Молодой Роже меняет несколько лицеев, становится бакалавром общественных наук, но театр привлекает его гораздо больше.

Второй брак матери Вадима оказался неудачным и вскоре распался, после чего Вадим, которому еще не было и двадцати,

пустился в самостоятельное плавание.

Вскоре Вадим начинает учиться актерскому мастерству у Шарля Дюллена и исполняет несколько небольших ролей в пьесах «Король Лир», «Капитан Смит» и «Солдат и волшебница». Тогда же он пишет роман, в котором достаточно неумело пытается передать атмосферу послевоенного Парижа и показывает его престарелому мэтру — Андре Жиду. Живой классик не оставил камня на камне от опуса начинающего автора, однако познакомил Вадима с маститым кинорежиссером Марком Аллегре. Аллегре взял юношу сначала своим ассистентом, а потом и соавтором сценария. Когда Вадиму посчастливилось устроиться ассистентом к Марку Аллегре, он, можно сказать, заново обрел себе отца.

Вадим вспоминает, что Марк был образованным, деликатным, внимательным человеком. Ему нравилось общество молодежи, он любил помогать начинающим. Теперь таких людей, как он, просто нет. Возможно, он был слишком отзывчив и чувствителен и просто не выжил бы в современных джунглях. Марк по сравнению со своим младшим братом Ивом был гораздо мягче и чувствительней. Ив отличался пробивной силой своих действий и мог идти напролом до победного конца, поэтому его карьера режиссера оказалась более успешной. Пожалуй, это было их самое главное различие, но Вадим считал, что Марк видит больше и глубже и считал его первооткрывателем. Именно благодаря ему французский экран приобрел Жерара Филиппа и Мишель Морган. Позднее он подарил нам Жан-Поля Бельмондо и Жан-Пьера Омона. Он помогал не только актерам, но и поддерживал начинающих писателей.

В восемнадцать лет Роже Вадим продал свой первый сценарий и стал искать актрису для своего фильма. Вадим ассистенствует вплоть до 1956 года, параллельно работая репортером-фотографом для «Пари-Матч».

Роже Вадим был высоким и темноволосым юношей. Его карие глаза, жадно всматривавшиеся в поисках новых предметов вдохновения, были очень выразительны. Бледная кожа контрастировала с выдающимися темными, дьявольскими бровями. О его магической привлекательности ходили легенды. Девушка просто не могла остаться равнодушной к нему.

Когда в назначенный день и час Бриджит переступила порог квартиры, Тоти все еще была исполнена решимости, что не допустит того, чтобы балетная карьера ее дочери оказалась под угрозой. И у нее имелись все основания для беспокойства. Аллегре, увидев мать Бриджит, проникся к ней неприязнью, ему противно было наблюдать его высокомерие и враждебный

настрой к его творчеству.

Но по настоянию Вадима, Аллегре согласился провести кинопробу, хотя Аллегре изначально казалось, что дело будет провальным, если ее мамаша будет постоянно бегать за ней с подгузниками. Чтобы помочь Бриджит приготовиться к этому испытанию, Вадим предложил себя ей в наставники. Так начались их, на тот момент, незначительные встречи.

Но в тот день, когда Аллегре наблюдал Бриджит перед камерой, увиденное все-таки разочаровало его:

— Она разговаривает так, будто у нее во рту вставная челюсть ее мамаши, а смеется вообще отвратительно, — говорил режиссер.

Тогда Аллегре так и не сумел разглядеть в ней и намека на будущую киноактрису. Правда, справедливости ради надо сказать, что то же самое он изрек, когда пробовал на ту же роль Лесли Карон. Однако то, что произошло на следующий день, можно назвать первым случаем в веренице странных совпадений, относящихся к соприкосновению жизней Бриджит и Вадима.

После всех проб маэстро так и не утвердил Бриджит на роль — Аллегре решил, что бесполезно даже пытаться что-то из нее сделать. В конце концов, она была одной из многих девчонок, которые надеялись сделать карьеру в кино, поэтому и сама Бриджит не расстраивалась. Но Вадима уже было не оторвать, так сильно он увлекся девушкой. За несколько лет до встречи с Бриджит Вадим начал писать роман, который носил название «Мудрая Софи», а в его мечтах Бриджит была самым настоящим воплощением Софи.

— Вы не поверите, — говорил потом Вадим, но она говорила буквально целыми строчкам из моего романа. Как такое возможно?.. Она словно сошла со страниц выдуманной мною книги. Когда я слышал, как она говорит, слышал, как она выражает себя, столь своеобразно и первозданно, я никак не верил своим ушам. Бриджит разговаривает в особой, присущей только ей одной манере — но ведь именно так разговаривала и выдуманная мной героиня. Разумеется, когда я начинал придумывать Софи, я был уверен, что она — целиком плод моего воображения, поэтому такая девушка вряд ли бы вообще могла существовать. Но вот она передо мной, во плоти и крови. А когда я все-таки решился и дал Бриджит сценарий, то она узнала себя в ней.

Вадим терял голову, и чем больше они проводили времени вдвоем, тем сильнее он влюблялся. Юношу до глубины души поразила и очаровала ее невинность. Но Вадим трезво оценивал ситуацию и прекрасно понимал, что родители Бриджит никогда

не захотят доверить ему девушку. Вадим пытался несколько месяцев забыть Бриджит, но не смог. Но в один прекрасный день, точнее вечер, Вадим сидел в одиночестве в квартире своего друга и не знал, чем себя занять. Немного погрустив и не желая погружать в депрессию, он вышел и побрел по улицам города. В кармане был последний жетон, который решено было потратить на звонок кому-нибудь из друзей, но никто кому бы он не позвонил, не поднимал трубку, как сговорились. Тогда Вадим подумал, что может стоит рискнуть и позвонить Бриджит, ведь именно она была причиной отсутствии настроения. Набравшись духа, Вадим набрал номер и — о чудо! — трубку подняла не мама Бриджит, не отец, сестренка или бабушка, а сама Бриджит, ведь в противном случае, кто знает, подозвали бы Бриджит к телефону если бы Вадим представился. Ему, разумеется, были не рады в этом доме, и он это вполне четко осознавал.

Когда он услышал голос Бриджит, он мужественно перевел дух и принялся объяснять, что звонит просто так, без какой-либо определенной цели. Бриджит очень обрадовалась этому звонку и рассказала, что родители уехали на все выходные, поэтому они дома с сестрой одни, вернее, почти одни, с ними еще подруга и бабушка, и вообще, почему бы ему не зайти к ним в гости, заверив, что все будут жутко рады.

Вадим явился домой к Бриджит без галстука, с длинной шевелюрой, намного превышавшей приемлемую, поэтому вряд ли бабушка Бриджит осталась в восторге от его внешнего вида и присутствия, но она этого не показала, потому что видела то, как сильно была рада его появлению Бриджит.

Под неусыпным оком бабушки, юноша с Бриджит провели вместе целый день. Но благочестивая бабуля не только увидела в этом «богемном типе» угрозу для чести любимой внуки, но и вполне искренне опасалась, как бы он, в конце концов, не исчез, прихватив с собой столовое серебро, что, конечно же, было абсолютно неприемлемым абсурдом для самого Вадима. Но пятнадцатилетняя девушка успела уже с головой влюбиться в этого юношу и, к несчастью родителей, этот сомнительный субъект стал появляться у них дома слишком часто. Никто не хотел слушать Бриджит, которой постоянно приходилось натыкаться на огромнейшую стену, возведенную вокруг нее родителями.

Тоти и Пилу каким-то образом узнавали все и знали, что именно рассказывает Вадим Бриджит. Разумеется, что все эти разговоры о кино, экзистенциализме и сексе выводили из себя обоих родителей, понимающих, что их дочь еще совсем юна и не в состоянии оценить масштабы той или иной ситуации. Бриджит

отказывалась прислушиваться к родительскому мнению, наивно веря, что способна сама строить свои отношения с назойливым кавалером. Неудивительно, что в воздухе запахло крупным скандалом.

Бриджит огорчало то, что родители каким-то волшебным образом всегда узнавали о планах их старшей дочери. И когда она им только собиралась сказать, что идет сегодня в кино с Вадимом или то, что Вадим придет к ним в гости, она всегда слышала одну и ту же фразу: «Мы знаем, милая, но нет. Никто никуда не пойдет и не придет».

Разумеется, как и в повести о Ромео и Джульетте никакие родительские запреты не смогли бы помочь, и Бриджит с Вадимом всегда находили способы встретиться. Оставалось только разгадать загадку — как родители так быстро узнают обо всем, что происходит. Ответ найти было достаточно легко, поскольку единственным человеком, который присутствовал всегда и везде, была младшая сестренка Бриджит — Мижану Больше было просто некому, поэтому, скорее всего, Мижану старалась быть самым настоящим шпионом для родителей. Например, когда Вадим впервые поцеловал Бриджит, — а произошло это в метро, — Тоти уже буквально в считанные часы знала о случившемся, и Бриджит была уверена, что здесь не обошлось без шпионизма Мижану, но она все отрицала.

Глава 6
Пятнадцать лет и свадьба

Когда Бриджит исполнилось пятнадцать, она решила, что уже достаточно взрослая, и объявила родителям, что хочет как можно скорее выйти замуж за Вава, как она его называла. Родители пришли в полное замешательство, поскольку видели, что дочь говорит совершенно серьезно и уже никто не сможет ее переубедить. Единственный выход, который только смогли найти Тоти и Пилу, — поставить ультиматум, что только с достижением восемнадцатилетия этот вопрос еще раз может быть поднят, но не секундой раньше. Разумеется, что родители Бриджит желали счесть эту затею «минутной глупостью» и настаивали на том, что брак — это очень важная часть жизни, но и помимо него есть много всего важного, и для начала Бриджит стоит подумать о своем будущем и позаботиться о своем аттестате зрелости и карьере балерины, а не вверять свою жизнь, судьбу и благополучие какому-то сомнительному персонажу с мечтами о богемной жизни. Все это виделось крайне несерьезной затеей для Тоти и Пилу. Что уж скрывать, Тоти приходила в откровенную ярость и еле сдерживала себя от мысли отправить свою дочь в пансионат при монастыре, но в глубине души прекрасно понимала, что это не сможет помочь, ведь она и сама знает каково это, когда ты впервые влюбился.

Влюбленные тайно начали встречаться в квартире одно друга Вадима. Казалось, что Бриджит тяжело давался каждый день, пока они не женаты.

Если же им не удавалось встретиться — обычно это бывало тогда, когда родители не отпускали ее из дому, одновременно отказываясь пустить на порог Вадима, — влюбленные писали друг другу письма, причем, Бриджит неизменно ставила подпись «Софи». Вполне понятно, что Пилу и Тоти прикладывали неимоверные усилия, чтобы уберечь дочь от шага, который в их глазах казался чудовищной ошибкой. Правда приходится признать, что Пилу в своих стараниях зашел слишком далеко — как-то раз он даже пригрозил Вадиму пистолетом.

Пилу в ящичке над рабочим столом втайне от всех хранил револьвер, и когда однажды вечером к ним домой нагрянул Вадим, отец пригрозил, что, не задумываясь, воспользуется оружием, если только кавалер посмеет посягнуть на честь его дочери.

Тот факт, что Вадим каким-то образом умудрился пережить

эти годы, служит лишь еще одним подтверждением, что Мижану умела держать язык за зубами. Отношения сторон накалились до предела, и Тоти с Пилу все крепче и крепче держали оборону.

Через несколько недель после того как Пилу пригрозил Вадиму револьвером, юноше выпала возможность поехать в Ниццу, там он рассчитывал, что найдет спокойное место и сможет дописать свой сценарий. Ницца — очень красивый город на берегу моря, богатый пестрящими красками и свежем воздухом, которого так не хватало Вадиму последнее время. В вечер перед отъездом Вадим зашел в гости к Бриджит, чтобы попрощаться, ведь он уезжал на две недели, а молодые еще никогда так надолго не расставались. Бриджит вышла к Вадиму с очень опечаленным лицом и сообщила, что она очень поссорилась со своими родителями, так как они вновь взялись за старое и говорят, что не видать ей своего Вадима. Бриджит, казалось, была на грани отчаяния, так сильно давило на нее недовольство родителей, но сердцу не прикажешь. Вадим успокаивал свою возлюбленную и изо всех сил старался убедить ее, что все возможно, что они еще будут счастливы. Бриджит, которая буквально зарылась в объятьях Вадима, очень хотела верить в это, но силы ее были на исходе, поскольку сложно было поверить, что глаза ее отца, наполненные злостью и жестокостью, становившиеся в такие моменты в несколько раз больше, когда нибудь с нежностью и мягкостью будут смотреть на то, как она идет под венец в белоснежно-белом платье.

Вечером того же дня, уже в поезде, рассказывает Вадим, на него нахлынула неведомое доселе чувство. «Я сразу не понял, что это такое. Я еще не знал, что это значило». Когда поезд сделал остановку в Ля-Рош Мижен, он едва не бросился из вагона, чтобы позвонить ей. Спустя неделю Вадим получил письмо, и ему стало ясно, откуда взялось это дурное предчувствие.

Мижану вбила себе в голову, что непременно хочет увидеть Париж в ночных огнях. Надо сказать, что остальных членов семьи подобная идея совершенно не интересовала, но 12-летняя Мижану добилась своего — Пилу и Тоти сдались.

Бриджит, которая чувствовала себя несчастной и покинутой, отказалась присоединиться к их компании. Вот почему родители и Мижану оставили ее одну в квартире, а сами отправились любоваться огнями. Семейное предание гласит, что Мижану заявила, что продрогла, и родителям пришлось вернуться с ней домой за пальто. Однако это не совсем так. Пилу быстренько провез жену и младшую дочь по ярко освещенным центральным улицам и, решив, что хорошего понемножку, объявил, что пора возвращаться домой.

Все трое поднялись на старом гидравлическом лифте наверх и вошли в квартиру. Когда же Бриджит не вышла им навстречу, они окликнули ее.

Недовольная Мижану осталась стоять на месте, а родители пошли дальше по длинному коридору, заглядывая во все двери. Они нашли Бриджит в кухне — она стояла на коленях, засунув голову в духовку. Кран газовой горелки был открыт. Опять-таки согласно семейной легенде, она была уже без сознания. Срочно вызвали врача. Он осмотрел девушку, после чего объяснил родителям, что, задержись они еще минут на пятнадцать, вряд ли бы им удалось застать Бриджит в живых.

Глава 7
Новая цель Вадима

Вадим начал снимать одни апартаменты с Кристианом Марканом на весьма престижном острове Сен-Луи — восьмой этаж, захватывающий дух вид. Вадим четко решает для себя, что должен добиться славы на поприще кинорежиссуры и даже определил для себя крайний срок для ее достижения — не старше 35 лет. В те дни средний возраст французских кинорежиссеров колебался где-то в пределах 50–65 лет.

Вадим очень много трудился: писал сценарии, ассистировал и был каждой бочке затычкой только лишь бы удавалось платить за столь роскошные апартаменты.

Но через некоторое время Вадим осознал, что хочет поставить себе еще одну очень важную цель, которую он приравнивал к цели «сделаться знаменитым кинорежиссером», Вадим решил, что пора сделать из девочки Бриджит Бардо женщину Бриджит Бардо.

По его настоянию она поступила в актерскую школу к Рене Симону, где начинающие дарования под придирчивым оком мэтра постигали азы сценического мастерства. Однако Бриджит так и не нашла с Симоном общего языка, и, несмотря на заверения Вадима, что именно из стен этой школы вышли многие знаменитые актрисы, она через несколько месяцев бросила занятия. А вскоре Аттемар и Борис Князев также остались в прошлом.

У Тоти и Пилу появились новые друзья, которые либо имели свои предприятия и многим из них очень нравилось использовать девочек Бардо для показа мод. Одним таким другом семьи был Андре-Пьер Тарб, который только что создал для фирмы «Карвен» новые духи. Имелось у него и побочное занятие: обеспечивать французские морские лайнеры развлекательной программой. Тарб отправлял в рейс певцов, фокусников, конферансье и танцоров, и так как ему было известно, что Бриджит училась у Князева, он предложил ей первый и единственный контракт в качестве профессиональной балерины.

Тарб отправил ее в 15-дневной круиз на борту лайнера «Адмирал де Грасс». 5 апреля 1952 года судно вышло из Гавра, взяв курс на Атлантику — Мадейру, Канарские и Азорские острова. Бриджит в этом рейсе считалась членом экипажа, за что ей было уплачено вознаграждение в размере четыреста тысяч старых франков (примерно сорок фунтов, переводя на настоящую

волюту). Разместилась она в одной каюте со знаменитой парижской манекенщицей Капюсин, которая была приглашена для участия в проводимых на борту судна демонстрациях мод. Впервые в жизни Бриджит представилась возможность провести время вне дома без присмотра родителей.

Однако на борту судна никто и не догадался бы, кто она такая. Тарб придумал балетную труппу, назвал ее «Парижским балетом» и даже отметил в программе Бриджит в качестве примы-балерины. Тоти лично сшила для дочери костюмы — несколько ярких цветных пачек, а Бриджит приложила руку к деталям, например, прикрепила к талии тамбурин, на котором ей предстояло играть во время танца. В рейсе она работала каждый вечер, даже невзирая на качку.

Девушка была очень застенчива и перед каждым выступлением ужасно нервничала, и всем приходилось ее уговаривать. А еще она очень часто наговаривала на себя, что не умеет танцевать.

По возвращении в Париж Тарб еще несколько раз приглашал ее участвовать в демонстрации мод для фирмы Карвен. К этому времени Вадим сумел подыскать для Бриджит работу в кино. Он показал пленку с ее кинопробой одному из самых плодовитых французских режиссеров, Жану Бойе, и тот решил, что Бриджит как нельзя лучше подходит на роль в его новой комедии с участием Бурвиля под названием «Нормандская дыра».

Для Бардо это был мало что предвещающий дебют. Роль ей совсем не понравилась, начинающая актриса была отнюдь не уверена в том, что она делает, и делает ли она это хорошо, и осталась весьма недовольна своей игрой. Еще хуже было то, что съемки в кино оказались далеко не таким уж приятным времяпровождением, как то рисовал ей Вадим. Возможно, что это было оттого, что Бриджит не вжилась в атмосферу этого фильма и не прочувствовала ее, роль ей не нравилась, и все вызывало у нее антипатию. Но, так или иначе, Бриджит вся эта затея показалась в высшей степени механической, пресной и изматывающим занятием. Проще говоря, это была работа.

Не успела Бриджит закончить сниматься в одном фильме, как Вадим преподнес ей очередной сюрприз. Вилли Розье пригласил ее сыграть главную роль в ленте «Манина, девушка без покрывала».

В этой картине, съемки которой проходили летом 1952 года, Бриджит и впрямь, в соответствии с названием фильма, провела большую часть времени в неглиже. А поскольку ей еще не исполнилось восемнадцати, по личному требованию Пилу в контракт был включен специальный пункт, запрещавший любые

действия, способные бросить тень на честь его дочери. Розье заверил мисье Бардо, что самым откровенным нарядом, в котором покажется его Бриджит, будет разве что купальный костюм. Пилу достаточно наивно поверил в это и искренне надеялся, что целомудрию его дочери — по крайней мере, на кинопленке — ничего не грозит. В действительности же Бриджит в открытом и откровенном, по меркам тех лет, купальнике на протяжении большей части фильма только и делала, что демонстрировала зрителю свои очаровательные юные прелести, что в 1952 года было весьма рискованным занятием. Разумеется, это было все очень даже на руку затейщикам фильма, потому что кто не хотел бы взглянуть на юную красотку в откровенном неглиже? Имелась в картине и эротическая сцена, правда, всего на пару кадров.

Пилу, как настоящий обманутый отец, метал громы и молнии. Равно как и католическая церковь, клерикалы заклеймили ленту как угрозу общественным и семейным устоям. К нанесенному моральному ущербу добавилось еще одно оскорбление — во время съемок на площадке объявились несколько шустрых фотографов, старавшихся изо всех сил сотворить пару сенсационных кадров молоденькой девушки. Вскоре сделанные ими снимки оказались на страницах газет, и это только подлило масла в огонь.

Разумеется, если учесть то время, то фотографии юной Бриджит действительно были весьма развратными. Если взглянуть на эту ситуацию глазами отца, человека строгих правил и твердых моральных принципов, то действительно эти снимки его юной дочери выглядят просто аморально. Теперь Пилу требовал, чтобы ему и его адвокатам была предоставлена возможность просмотреть фильм перед выходом на экран и вырезать оскорбительные для достоинства его дочери сцены. Розье отказался пойти на подобную уступку, поскольку в этом случае он бы мог лишиться целой картины, если бы ее правоверный отец начал резать так, как только ему вздумается. Слишком много сил было затрачено на ее создание для того, что бы какой-то там «отец строгих правил» уничтожил все самое ценное, что в ней есть. Но компромисса было не избежать, поэтому в качестве компромисса согласился перед выходом картины в прокат провести юридическую экспертизу. В ноябре 1952 года — через два месяца после того, как Бриджит исполнилось восемнадцать лет — суд вынес решение, что фильм не представляет опасности для моральных устоев общества и посему может быть выпущен в прокат без какого-либо ущерба для чести семьи Бардо.

Пилу успокоился или сделал вид, что успокоился, но

продолжалось это недолго. На Рождество, когда фильм вышел на экраны, в Марокко — тогдашней французской колонии — его появление в прокате сопровождалось гигантскими афишами, на которых была изображена обнаженная девушка, а сверху крупными буквами выведено имя — «Бриджит».

Это был уже перебор и терпение благоверного отца подошло к самой крайней точке кипения. Узнав, что во Франции выход ленты на экран запланирован на март 1953 года, Пилу тотчас ринулся в бой, дабы не допустить, чтобы оскорбительная афишка была использована вторично во Франции. На этот раз вместо того, чтобы все спокойно обсудить с Розье и прокатчиками, он и его адвокаты обратились в суд в надежде добиться официального запрета. Пилу наставал на том, что использование подобной афиши есть не что иное, как нарушение закона от 1939 года, ставящего семью под защиту государства. Кроме того, подчеркивал Бардо, поскольку его дочь на протяжении всей картины ни разу не появляется в том виде, в каком она изображена на афише, то это не только вводит публику в заблуждение, но и является ни чем иным, как откровенной клеветой. Суд внял его доводам, но шумиха, поднявшаяся вокруг этого процесса, только усилила интерес к картине, — полагают, что ее главным инициатором был, прежде всего, сам Вадим, хотя он неизменно отрицал свою к тому причастность, — только способствовала утверждению Бриджит в роли начинающей звезды. Французский комитет содействия национальному кинематографу назвал Бриджит «сегодняшней надеждой, завтрашней звездой», хотя многие критики отнюдь не разделяли этого мнения. Многие критики сочли игру юной Бардо невыразительной, дикцию неестественной и ее широко разрекламированную красоту — весьма сомнительной. Но, по крайней мере, ее карьера сдвинулась с мертвой точки и, казалось, что только Вадима это так радует, а у всех остальных появилось очень много проблем и вопросов.

Глава 8
Замужество

Разумеется, Бриджит была рада, что ее карьера киноактрисы сдвинулась с мертвой точки. Хотя и не исключено, что основная радость приходила от того, что Вадим был на седьмом небе от счастья. Бриджит очень хотелось радовать Вадима и она была порой готова на все, что бы он ей не сказал, она все бы сделала. Однако для самой девушки настоящим счастьем было бы выйти замуж, поэтому именно этот пункт и был следующим в ее списке «юных мечтаний». Девушка, как договаривались, выждала обещанный срок и вот ей уже восемнадцать, совсем скоро все мечты станут явью. Бриджит деликатно напомнила родителям об их данном когда-то обещании. Но никто так просто сдаваться не собирался. Теперь Пилу поставил условие, чтобы Вадим из лона русской православной церкви перешел в католичество, и когда тот — чего Пилу никак не ожидал — с радостью ответил согласием, последняя преграда на пути влюбленных пала. И пала она очень стремительно. Удивительно вообще, что Пилу надеялся, что для юноши и девушки, которые более трех лет только и делали, что мечтали о совместной жизни, станет преградой какая-то вера. Да и если честно, Вадим был далеко не монах и переход из одного лона в соседнее не представилось для него затруднительным. Девятнадцатого декабря — за день до венчания в церкви — Бриджит Бардо и Роже Вадим прошли гражданскую церемонию бракосочетания в мэрии шестнадцатого округа Парижа.

Позднее тем же вечером Пилу поставил для зятя у себя в кабинете раскладушку. Бриджит восприняла это как шутку. Однако отец напомнил ей, что в его глазах они станут мужем и женой только тогда, когда свяжут себя брачным обетом перед лицом Господа Бога.

Бриджит отказывалась поверить, что он говорит это со всей серьезностью, и ее жениху действительно предстоит провести ночь в соседней комнате. Но Пилу был непоколебим: его дочери придется подождать, пока она не обвенчается в церкви. Только тогда она сможет спать вместе с мужем.

Вот так женщина, которой в будущем предстояло стать секс-символом мирового класса, свою первую ночь в качестве мадам Роже Вадим Племянников, провела в постели одна.

Венчание, которое неожиданно расставило все по своим местам, состоялось на следующий день в соборе Нотр-Дам де Грае

в Пасси, после чего в квартире на улице де ля Помп состоялся семейный праздник.

После недолгого медового месяца в Межеве — Вадим с четырнадцати лет страстно увлекался лыжами — парочка вернулась в свою собственную двухкомнатную квартиру на третьем этаже дома № 79 по улице Шардон-Лагаш, того же шестнадцатого округа — подарок от Пилу и Тоти. Вдобавок, Тоти отдала им свой старый «Ситроен».

Стоит отметить, что в течение первых лет и последующих за ними между Вадимом и Бриджит возникло удивительное партнерство. Он как скульптор ваял ее, формировал, воспитывал, просвещал, открывал в ней такое, чего никто — не говоря уже о ней самой — никогда бы не сумел разглядеть. Он учил ее современному жаргону. Он учил ее быть соблазнительной, когда ешь руками. Он учил ее надувать губки. Он все время наблюдал за ней — этакое неотступное опекунство. Он учил ее наслаждаться чужими взглядами, делал из нее законченную эксгибиционистку. Он учил ее одеваться и сбрасывать с себя одежду. В конце концов, он заставил ее перекрасить волосы, превратив из брюнетки в блондинку.

«Куда бы я ни шла по улице, раздевалась, завтракала, — заметила как-то раз Бриджит, — у меня всегда было такое ощущение, что он смотрит на меня не своими глазами, а глазами постороннего человека. Я прекрасно понимала, что он видит вовсе не меня, а свою мечту в моем образе. В то время мне это доставляло неописуемое удовольствие, меня забавляли его — как мне тогда казалось — невинные странности. Тогда я еще не отдавала себе отчет в том, что он играл с огнем, и, несмотря на весь его цинизм, он этого не понимал».

Вадим учил Бриджит изобретать, создавать саму себя. И как только это случилось, он был готов изобрести целый миф, целую легенду для поддержания интереса публики.

За несколько лет до брака Вадима с Бриджит, можно сказать, что это произошло в то же самое время, когда он познакомился и с самой Бриджит, Вадиму выпала удача пересечься с агентшей по имени Ольга Хорстиг-Примуц, чьим самым крупным открытием в ту пору была Мишель Морган. Вадим решил, что лучшего агента для Бриджит ему не найти. Он договорился о встрече. С того момента, когда Вадим познакомил Бриджит с Ольгой, прошел ни один десяток лет, а она по прежнему называет ее ласково — «мамочка Оля».

Ольга сыграла в жизни Бриджит очень важную роль, она опекала и заботилась о своей подопечной словно мать о своем ребенке, именно такую роль и должен выполнять хороший агент.

Ольга вложила все свое сердце в создание и защиту Бриджит.

Итак, мама Ольга взялась подыскать Бриджит работу, в то время как Вадим оставил за собой роль пресс-агента. Совместными усилиями им за короткое время удалось снять начинающую актрису в целом ряде картин. Их общий знакомый Даниэль Желен отдал Бриджит эпизодические роли в ленте «Длинные зубы», главную роль в которой играла его жена Даниэль. После этого Бриджит снялась в таких картинах, как «Портрет его отца», «Акт любви» с участием Кирка Дугласа и «Если бы мне рассказали о Версале», в котором снимались также такие актеры, как Саша Гитри, Жан Марэ, Клодет Кольбер и в эпизодах — Орсон Уэллс.

Вадим по-прежнему подрабатывал в «Пари-Матч». Что же касается сценариев, то ему никак не удавалось продавать свои детища. К этому времени Бриджит уже зарабатывала больше мужа. Правда, по словам Вадима, деньги для нее мало что значили, и поэтому значительная их часть тратилась на него.

Глава 9
Успех в Каннах

Весной 1946 года Кристиан Диор изобрел новый силуэт a la «песочные часы» — мягкие плечи, узкая, хорошо подчеркнутая талия и пышная юбка. Эта похожая на восьмерку фигура, по замыслу Диора, была призвана «раскрепостить женщину». Спустя два месяца англиканская церковь выразила свою озабоченность по поводу плотских соблазнов, которые могут овладеть прихожанами на работе. Согласно утверждению отцов церкви, юные пары, решившие сочетаться узами брака, выступали против «фальшивой романтики» радио и кино.

Но вскоре раскрепощенность замаячила буквально на каждом углу. К этому времени в Канны прибыла Бриджит Бардо.

В последние две апрельских недели 1953 года все, кто имел хоть мало-мальское отношение к кинобизнесу, слетелись на юг Франции. Но никому и в голову не пришло приглашать Бриджит. Вот почему Вадим пригласил себя и жену сам.

Он-то прекрасно знал, что в действие пришла вся мировая газетная машина, пишущая на потребу публике самые пикантные истории, и чтобы привлечь внимание к супруге, Вадим решил подкинуть ей парочку таких историй. Разумеется, пляж уже был до отказа забит звездами. Однако когда там в купальном костюме объявилась некая длинноногая стройная дама и принялась выставлять напоказ свои прелести, за дело взялись приятели Вадима — репортеры. Они снимали ее на пляже и перед входом в «Карлтон». Они фотографировали ее вместе с ее старой приятельницей по балетному классу Лесли Карон, которая удостоилась номинации в категории «лучшая актриса» за главную роль в картине «Лили», «Пари-Матч» свел на своих страницах обеих бывших балерин в одном репортаже, опубликовав фото Бриджит, которое сопровождала следующая надпись: «Новая Лесли Карон».

В те дни Военно-морской флот США в Средиземном море базировался по соседству, в Вилль-франш. Как добрые соседи, американцы, разумеется, не удержались и внесли в этот праздник свою лепту, поставив на якорь в полумиле от берега авианосец «Мидуэй», и группе кинозвезд была предоставлена возможность сняться на его борту.

Американцы тепло приветствовали у себя в гостях кинознаменитостей, однако когда на палубу вступила Бриджит и на глазах трех с половиной тысяч моряков плащ легко и изящно

соскользнул с ее плеч, открыв их взорам божественную фигуру, поверх которой было лишь крошечное платьице, «морские волки» не знали куда себя деть от нахлынувшего восторга. Казалось, что вот-вот кто-то из них готов потерять сознание.

Вадим заставил ее поехать туда, потому что знал, что после этого ее карьера стремительно взлетит вверх. Но он не знал и не ведал, что кому-то в голову придет идея отправить на этот авианосец.

На протяжении многих лет тысячи начинающих девиц пытались украсть в Каннах у звезд первой величины частицу их блеска. Но именно Бардо первой удалось разом затмить их всех вместе взятых. С тех пор никому еще не удавалось сделать это лучше ее или с таким же шиком.

В эти годы Бриджит довелось также испробовать силы на журналистском поприще, но эта ее карьера оказалась даже более скоротечной, нежели театральная.

Глава 10
«И Бог создал женщину»

Отталкиваясь от теории, что ей вовсе ни к чему играть, достаточно того, что она существует, Вадим сочинил сценарий, где Бриджит просто оставалась самой собой. Он не столько писал для нее роль, сколько просто писал для нее. Но ведь в мечтах он уже изобрел Бриджит Бардо еще задолго до того, как встретил ее в «Мудрой Софи».

Рауль Леви не только согласился поддержать его начинание, но даже был готов позволить Вадиму взять на себя обязанности режиссера. Этот проект никогда не рассматривался как нечто большее, нежели компания друзей, которая снимает недорогую, черно-белую картину. Однако Леви обратился к представителям «Коламбия Пикчерс», и там проявили некоторый интерес. Это вселило в Леви уверенность, что американцы готовы раскошелиться на цветную пленку и широкий формат. Единственная проблема заключалась в том, что в Голливуде не желали видеть Вадима в качестве режиссера. Для них он был едва ли не самозванцем. Кроме того, Бриджит, по их мнению, никак не тянула на роль звезды, поскольку все еще считалась старлеткой. Вот почему Леви однозначно дали понять, что ему не видать никаких денег, пока в титрах не появится какое-нибудь громкое имя, способное обеспечить кассовые сборы.

Поскольку приятелям никак не хотелось упускать шанс превратить имевшийся у них проект в нечто более грандиозное, Леви и Вадим отправились на поиски звезды. И тут появился Курт Юргенс. Тогда ему уже перевалило за сорок. Это был романтический главный герой, в довоенные годы пользовавшийся огромной популярностью в своей родной Германии. Конец войны по личному распоряжению Геббельса он провел в тюрьме за то, что открыто выражал антинацистские взгляды. Слава за пределами Германии свалилась на него в 1955 году, когда Юргенс снялся в фильме «Генерал дьявола».

Красавец и сердцеед — классический тип европейского актера, который у американцев принято называть «континентальным» — по мнению Вадима и Леви, Юргенс был той самой звездой, на которую непременно клюнет «Коламбия». На их пути стояли лишь три преграды: они не были с ним лично знакомы, они пока еще не имели для него роли и он был занят.

Однако сие отнюдь не остановило молодых авантюристов.

Имея в своем распоряжении сущие гроши, Леви с Вадимом

поездом отправились в Мюнхен, где в то время у Юргенса шли съемки. Первоначально Леви намеревался предложить Юргенсу роль, которую Вадим уже обещал своему старому приятелю Кристиану Маркану Кстати, заметил Вадим, в таком случае Юргенсу придется не только играть рыбака, говорящего по-французски с немецким акцентом, но и вдобавок ко всему он окажется одного возраста с мадам Тардье, мамашей собственного героя. Леви все взвесил и согласился придумать для Юргенса что-нибудь более подходящее.

Следующее, что друзьям удалось провернуть, — это написать для Юргенса роль.

Прибыв в Мюнхен, друзья обосновались в лучшем отеле города, — разве могли они себе позволить, чтобы Юргенс догадался, что они сидят на мели. Вадим тотчас взялся за переделку сценария, а Леви поставил своей задачей обработку немца.

На второй день их пребывания в Мюнхене, Леви, который уже доставил в номер горы икры и копченой лососины, а также водку, сжалился над измученным Вадимом и развлечения ради привел для него проститутку. Когда она вошла к нему, Вадим, вместо того, чтобы предаться с ней плотским утехам, спросил, умеет ли та печатать на машинке. Услышав в ответ «да», он тотчас усадил ее за работу.

Через сорок восемь часов у него уже был готов черновой вариант сценария, в котором имелся персонаж и для Юргенса. Вместе с Леви они направились к немецкому актеру, вкратце рассказали ему сюжет и, услышав, что он ни при каких обстоятельствах не сможет участвовать в съемках дольше пятнадцати дней, они пообещали — правда, довольно поспешно, — что вполне могут уложиться в такой плотный график.

Благодаря, в первую очередь, природному обаянию Вадима и таланту афериста Леви, не говоря уже о заманчивой перспективе провести несколько приятных недель на юге Франции, — Юргенс дал согласие.

Друзья озаглавили свое детище «И Бог создал женщину». Съемки картины проходили в мае-июне 1956 года в Сан-Тропе и павильонах студии «Викторин» в Ницце. Вадим работал быстро — собственно говоря, ему ничего другого не оставалось, особенно если учесть, что Юргенс был в его распоряжении менее чем на треть десятинедельного графика съемок. Так что к 5 июля фильм был отснят весь до последнего кадра, отредактирован, смонтирован и озвучен.

Надо сказать, что уже тогда картина отнюдь не тянула на

шедевр, а прошедшие годы тоже сделали с ней свое дело. Существует мнение, что сыграй роль Жюльет, молодой женщины, которая мечется между несколькими мужчинами, не Бриджит Бардо, а какая-нибудь другая актриса, об этом фильме уже бы никто и не вспомнил. Но ведь с самого начала было понятно, что, собственно, затеял Вадим. Жюльет — это и есть Бриджит, что она вовсе не играет, а показывает себя такой, какой она есть, что она просто живет. И в культурном вакууме враждебных сексу пятидесятых годов эта женщина олицетворяет собой нечто новое и одновременно угрожающее — одна из первых красавиц мира, не стыдящаяся своей наготы. По крайней мере, так всем казалось.

Сюжет не стоил выеденного яйца. Девушку приютила у себя пожилая пара. Ленивая и грубоватая, Жюльет ничем не умеет расположить к себе окружающих, разве что только надутыми губками. На протяжении почти всей картины она ходит босиком, и это не просто вызов условностям, как его понимает Жюльет, это объясняется еще и тем, что Бриджит большую часть своей жизни тоже проходила босиком.

Сначала Жюльет влюбляется в молодого человека по имени Антуан (его сыграл Кристиан Маркан), который изо всех сил пытается уберечь небольшую семейную верфь от банкротства. Одновременно она привлекает к себе внимание богатого бизнесмена по имени Эрик (Курд Юргенс), который надеется, что юная девушка заново разожжет в нем огонь молодости. В конце концов, она выходит замуж за Мишеля — его сыграл молодой, робкий, симпатичный и никому не известный Жан-Луи Трентиньян, — который к тому же оказывается младшим братом Антуана.

Когда Мишель отправляется по делам в Марсель, Жюльет решает прокатиться на одной из принадлежащих им лодок, которая почему-то вспыхивает ярким пламенем. Ее спасает Антуан. В знак благодарности она отдается ему тут же, на пляже. Мишель возвращается домой, и мать рассказывает ему об измене жены. Сначала Мишель устраивает драку с Антуаном, а затем идет требовать ответа у Жюльет, которая в этот момент лихо отплясывает в ночном клубе с Эриком. Мишель достает пистолет, видимо, затем, чтобы застрелить Жюльет, но вместо этого ранит Эрика. Антуан отвозит его в больницу. Оставшись наедине с женой, Мишель, чтобы привести ее в чувство, закатывает ей пощечину. Когда же ей становится ясно, что он и есть тот самый мужчина, о котором она всегда мечтала, они вдвоем, обнявшись, растворяются во мгле теплой южной ночи.

«Да, как картина, — писал один из критиков, — эта работа зависла где-то между банальной мелодрамой XIX века и

несбалансированной структурой порнофильма, в котором персонажи, диалоги и сюжет нужны лишь затем, чтобы оправдать, причем, чем скорее — тем лучше, очередное совокупление».

Надо сказать, что в то время мало кто понял одну вещь — то, что Вадим перенес секс из сомнительных третьеразрядных театриков на экраны кинозалов Главной Улицы. Он разрешил героине на экране делать все, что она считает нужным, почти не ограничивая ее…

Как-то утром, отправившись на велосипеде в город, Жюльет проколола шину. «Я плоская», — кричит она проходящему автобусу, до отказа набитого мужчинами. Один из них кричит ей в ответ: «Что-то я не заметил».

Позднее Мишель спрашивает ее: «Чего ты боишься?» — и в ответ она зловеще произносит: «Себя».

Когда же Мишель говорит ей: «Из тебя получится хорошая жена», Жюльет возражает: «Нет, я слишком люблю веселую жизнь».

Но, собственно говоря, ни игра, ни сюжет, ни диалоги не снискали фильму «И Бог создал женщину» в истории кинематографа славы одной из самых наилучших лент пятидесятых годов. Сделала это Бриджит Бардо. Вадим с поразительной точностью подметил в ней тип «женщины-ребенка», которая вдобавок была его женой, и этот образ оказался неповторим. Он затронул оголенные нервы, с тем, чтобы зритель от неудобства заерзал на месте от ее неприкрытой сексуальности и, одновременно, чтобы эта ее привлекательность возбуждала и приковывала взгляды, чем привел цензоров в ярость.

Особенно возмутительной, по их мнению, была сцена, когда Жюльет возвращается домой после свадьбы. Она ложится с мужем в постель, в то время как вся семья сидит за праздничным столом. В середине обеда Жюльет спускается вниз, не обращая внимания на присутствующих, накладывает себе полную тарелку и вновь удаляется наверх. Когда же ее спрашивают о муже, она заверяет его родственников: «Я о нем позабочусь».

По мнению цензоров, сцена содержала откровенные намеки. Но поскольку все действующие лица были одеты и никто из них не произнес ни единой фразы, способной оскорбить общепринятую мораль, цензорам так и не удалось ее вырезать.

Единственный эпизод, где цензоры заняли твердую позицию, и в результате им пришлось пожертвовать, происходил в спальне Бриджит — в полном одиночестве она лежит в постели, а младший брат ее мужа (по сценарию ему было 15 лет) подглядывает за ней из-за двери. Зная, что он наблюдает за ней, Бриджит, в чем мать родила, поднялась с постели и прошла мимо

мальчишки.

Вадим говорил, что самый удивительный эффект присутствия в картине Бриджит, заключается в том, что люди почему-то воспринимали ее обнаженной, что было отнюдь не так.

Вадим вложил в картину 215 тысяч фунтов или около того. Во Франции фильм собрал менее 50 миллионов старых франков. И самые язвительные отзывы были направлены в адрес Бриджит. Например, в газетах можно было прочитать следующее: «Лучшее, что может, быть сказано о фильме, — что он наверняка поставит крест на карьере этой надоедливой старлетки…»

Например, Франсуа Трюффо заклеймил фильм как аморальный. В своей статье в журнале «Искусство» он писал: «Она раздевается перед окном, лицом к свету, проникающему сквозь ее нейлоновую сорочку. В постели, вместо того чтобы приласкать больного мужа, она его дразнит. На следующее утро она купается в чем мать родила, и мы не знаем, куда глаза девать. Или же она вскакивает на заднее сиденье мотоцикла и выставляет напоказ ноги. Сидя на стуле, повыше задрав то, что на ней надето, она снова демонстрирует нам ноги. И мы имеем полное право заявить, что нам подсовывают порнографию. Остается только удивляться, куда смотрели цензоры».

Многие французы были с ним совершенно согласны и возмущены до предела, когда, вскоре после того как фильм вышел на экраны, трое молодых хулиганов убили старика, спавшего в поезде недалеко от Анжера. Разразился громкий скандал, причем часть общественного негодования была обращена против Бриджит за то, что своими фильмами она якобы совращает малолетних.

Критик из «Фигаро» даже не пытался скрывать своей лицемерной чопорности, когда спрашивал: «Какие чувства должен испытывать муж, который демонстрирует нам, ничуть этого не стыдясь, обнаженное тело собственной жены?» Обозреватель журнала «Радио и кино» признавал, что картина «И Бог создал женщину» являет собой интересный социологический документ — «несмотря на отсутствие у Бриджит Бардо какого-либо таланта и на отсутствие нравственности у Роже Вадима».

И пока Жак-Даниэль Валькроз встал на защиту Бардо на страницах «Франс-Обсерватер»: «Поблагодарим судьбу, что у нас есть Бриджит Бардо. А это означает, что Франция выигрывает на всех уровнях. Я говорю это со всей серьезностью. Ни одна другая страна не может похвастать тем, что у нее есть такая хорошенькая девушка, такая грациозно-соблазнительная, словно девичьи силуэты Огюста Ренуара, с походкой танцовщицы, с русалочьей гривой… и утонченными округлостями, что наверняка привели

бы в восторг Мейло».

На первый взгляд казалось, что фильм обречен во Франции на полное забвение. И так едва не произошло. Случись так, судьба Бриджит наверняка бы сложилась иначе. Ее карьеру можно было бы считать оконченной. Или же, в лучшем случае, она стала бы явлением местного масштаба.

Тем не менее, в глазах людей, проживающих за пределами Франции — а это все-таки почти вся остальная планета — фильм представлялся чем-то особенным. 12 марта 1957 года состоялась лондонская премьера картины. Ну а поскольку зрители шли на нее нескончаемой чередой, фильм был скоро пущен в прокат по всей Великобритании. Чтобы хотя бы отчасти ублажить церковных моралистов, британские прокатчики были вынуждены изменить название фильма, хотя какой смысл возлагать вину на Бога, которое теперь звучало так: «И создана была… женщина». Потребовалось целое десятилетие, чтобы картине, наконец, вернули ее оригинальное название.

Не удивительно, что британские цензоры, подобно своим французским собратьям, словно с цепи сорвались после просмотра ленты. Одна только мысль о том, что юная женщина способна на все то, что она вытворяла на экране, настолько возмутила цензора, что тот даже отказался присвоить картине ту или иную категорию, что было равносильно ее полному запрету. Вадиму ничего не оставалось, как согласиться на некоторые купюры. К счастью, эти купюры нисколько не испортили ленту при выходе ее на экран, и критики сошлись во мнении, что Бардо неподражаема.

В США, где премьера фильма состоялась только в ноябре 1957 года, американцы долго не могли поверить собственным глазам. Они впервые получили возможность созерцать абсолютно обнаженное тело крупным планом и в цвете. Некоторые кинотеатры, которые планировали показ картины всего на пару недель, все еще крутили ее год спустя.

Сама того не подозревая, Бриджит настежь распахнула все шлюзы. Вскоре Элизабет Тейлор сыграет в картине «Баттерфильд, 8» «девушку по вызову», Ширли Джонс в «Элмере Гентри» — женщину сомнительной добродетели, Мелина Меркури в фильме «Никогда в воскресенье» — проститутку, так же как и Нэнси Куан в «Песне цветка». «Лолита» Владимира Набокова побьет все рекорды книжных бестселлеров. То же самое произойдет, когда «Гров-Пресс» опубликует роман Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли». Более того, нет ни малейшего сомнения в том, что нагота Бриджит сделала возможной знаменитую обнаженную сцену с Мэрилин Монро в ленте 1960 года «Давай займемся

любовью», потому что к тому времени уже не осталось никаких запретов. Разумеется, Хеди Ламарр сбрасывала с себя одежду в фильме «Экстаз» и почти десять минут оставалась нагишом, гарцуя на лошади. Но этот фильм был сделан в Чехословакии в 1933 году в черно-белом варианте, и даже если предположить, что тогда она и считалась «первой красавицей мира», камера находилась от нее на достаточном расстоянии.

Что не менее показательно, фильм «И Бог создал женщину» напомнил американцам их собственную ленту 1955 года «Бунтовщик без идеала», принесшую мгновенную славу Джеймсу Дину. Они увидели в нем французскую вариацию на тему бунтующей юности как раз в то время, когда юное поколение американцев начало поднимать голову, заявляя о своих правах. Журнал «Лук» договорился до того, что назвал Бриджит «женской ипостасью Джеймса Дина». Спустя годы другой писатель вывернет это изречение наизнанку: «Она — Джеймс Дин, только в трусиках и бюстгальтере, правда, чаще всего без оных».

Через несколько лет после того, как Бриджит Бардо снялась в картине «И Бог создал женщину», она поведала одному журналисту, что буквально через пару недель после первой их встречи Вадим пообещал сделать из нее звезду. «Он учил меня буквально всему. Он научил меня свободно распоряжаться моей любовью. Это часть легенды, которую он создал вокруг моего имени. Это то, что он внушил публике».

И все же Вадим готов галантно признать, что причиной феноменального успеха Бриджит было нечто большее, чем его собственные макиавеллиевские интриги, призванные подстегнуть интерес обывателя.

Глава 11
Развод

На съемках фильма «И Бог создал женщину» произошло то, что Вадим никак и не ожидал. Несколько лет назад, когда она только познакомилась с Жаном-Луи Трентиньяном, то сказала мужу:

— У тебя не выйдет заставить меня работать с ним. У него такие коротенькие ножки. Я не смогу притворяться, будто влюблена в него.

Жан-Луи был невысокого роста, он не отличался особенной красотой, но был на редкость обаятельным человеком. Бриджит даже как-то раз сказала своему секретарю, Алену Карре: «Он такой нежный, неиспорченный, спокойный и искренний. Как и я, всей этой студийной суматохе и вечеринкам с коктейлями, он предпочитает тишину и спокойствие. У него отзывчивое сердце, и мы с ним никогда не ссоримся. С Вадимом же мы только и знали, что выясняли отношения. У меня это уже в печенках сидело».

В Трентиньяне Бриджит обрела то, что французы называют «l» amour en pantoufl es» — «любовь в домашних тапочках» Поначалу могло показаться, что то была не более, чем попытка разбудить в Вадиме ревность. Когда же он не проявил ни малейших ее признаков, — о чем Бриджит жаловалась еще долгие годы, — ее безобидный романчик с Трентиньяном перерос в нечто более серьезное.

Вадим понимал, что конец их отношений близок.

— Я люблю моего мужа, — заявила Бриджит вскоре после окончания съемок, — но еще больше я люблю Трентиньяна.

Единственная преграда для них заключалась в том, что Жан-Луи был уже женат на молодой актрисе по имени Стефан Одран.

С Вадимом они расстались на редкость тепло. Как старые приятели, каковыми они и являлись, супруги обсудили планы на будущее и мирно разошлись. А спустя чуть больше года, в декабре 1957 года как раз в то время, когда фильм «И Бог создал женщину» пожинал плоды успеха в Соединенных Штатах, — суд вынес решение, что отныне Бриджит и Вадим больше не считаются мужем и женой.

— Мы развелись весьма цивилизованно и по-дружески, — говорил Вадим, — разумеется, не обошлось и без нескольких печальных минут. Когда все было окончено, мы оказались одни в коридоре суда. Я обнял ее, и мы поцеловались.

Глава 12
Новая любовь

С Трентиньяна, пожалуй, и начался ее донжуанский список, который никогда не будет представлен во всей полноте. Менялись имена, места действия, запах кожи, цвет волос, глаза, признания, но самое главное не менялось — все романы Бриджит Бардо развивались по одному и тому же сценарию. Она вспыхивала как порох, отдавала любимому себя всю — но не могла принадлежать одному человеку. Трентиньяну вскоре пришлось в этом убедиться. Любовь с первого взгляда: ошарашенная съемочная группа, страсть, наэлектризовавшая фильм, растрепанные волосы и круги под глазами у главных героев, разъяренная жена Трентиньяна — вихрь, который их подхватил, стих в квартирке Бриджит и как всегда спокойный и невозмутимый Вадим.

Как только они с Вадимом официально объявили о конце своего брачного союза, Бриджит пришлось оправдываться: «Люди во всем обвиняют меня, будто это я бросила его, после всего, что он для меня сделал. Возможно, я причинила ему боль. Но возможно, я не настолько уж неправа». Стоит отметить, что Вадим был настолько не ревнивым человеком, что порой, а это бывало довольно часто, Брижет казалось, что ему и вовсе все равно, есть ли она или нет. Иногда ей казалось, что Вадим вспоминает о ней только тогда, когда нужно «показать ножку публике». Что еще печальней, ей начинало казаться, что она способна покорить и возбудить любого мужчину на этой планете, кроме своего мужа. Он как будто не видел в ней больше женщину, так хорошо он ее изучил. Все это печалило девушку, и ей хотелось для начала просто почувствовать мужскую руку, а не всю ночь слушать клацанье печатной машинки, когда ее муж заканчивает очередной сценарий. Бриджит хотелось быть живой, ей хотелось нравиться.

Разумеется. Бриджит очень хотелось, чтобы и Трентиньян поступил так же, как и она сама, чтобы он навсегда распрощался со своей женой и был только ее, увы, этого не произошло. Сначала помешала армия. А затем Одран отказалась дать ему развод. Все это печалило Бриджит, ей вновь начало казаться, что она отдает себя полностью, без остатка, сжигая безжалостно все мосты, а ей достаются лишь остатки с чужой тарелки, которая, казалось, никогда не будет принадлежать ей.

Через месяц после окончания съемок Бриджит выполнила

одно свое старое обещание, сыграв главную роль в картине Кристины Гуз-Реналь «Новобрачная была слишком красива» с участием Луи Жордана. Когда и эта лента была готова, всего за две недели до того, как Бриджит исполнилось двадцать два года, актриса занялась поисками уютного гнездышка для себя и Жан-Лу. По ее мнению, квартира на улице Шардон-Лагаш вызывала у нее слишком гнетущее настроение, и поэтому Бриджит купила себе новые апартаменты, в доме № 71 по авеню Поль-Думер. Во-первых, отсюда было рукой подать до дома, где жили родители, и, по чистому совпадению, буквально в двух шагах за углом, находилась главная контора фирмы «Бардо и К°».

Небольшая квартира в двух уровнях, занимавшая седьмой и восьмой этажи, обошлась ей во внушительную по тем временам сумму в 11 миллионов старых франков. Слева от входной двери имелся крошечный закуток, служивший кабинетом ее секретарю. На этом же этаже расположилась и ее спальня с небольшим балконом.

Светлая и просторная гостиная находилась наверху — на одном ее конце был камин, а на другом, по соседству с кухней, — обеденный уголок. Бриджит поселилась здесь с Жаном-Лу сразу после Нового года.

Теперь она снималась у Мишеля Буарона в фильме «Парижанка» с участием Шарля Буайе, после чего приступила к работе над лентой «Ювелиры при лунном свете» в счет выполнения ею обязательств перед Раулем Леви. Режиссером фильма Леви сделал Роже Вадима. Первоначально Трентиньян проходил срочную службу в Париже. Каждое утро он уходил к себе в часть, затем возвращался домой обедать и вечером снова появлялся к ужину. Пока Бриджит снималась в Париже, эта схема срабатывала гладко. Но в июне съемочная группа во главе с Вадимом отправилась в Испанию, и все пошло кувырком. Бриджит не ладила с новой женой Вадима, Анетт Страйберг, съемки наводили на нее скуку, а порой и вообще вызывали едва ли не отвращение. Чтобы проводить с Трентиньяном уик-энды, Бардо приходилось каждую неделю летать в Париж — малоприятное занятие для того, кто не выносит самолета.

Глава 13
Защитница животных

Бриджит с детства отличалась любовью к животным и всегда умудрялась принести в дом родителей какое-нибудь животное, а если учесть многолетнюю привычку Бриджит заводить дружбу с любой четвероногой тварью, обитающей в радиусе 100 миль от съемочной площадки, то становится очевидно: без любви к животным и их защиты здесь обойтись просто не могло.

И вот на очередной съемке очередного фильма, Бриджет встречает ослика, который был задействован в нескольких кадрах. Поэтому стоит ли удивляться, что она стала ослику чем-то вроде матери, приютив его. Бриджит назвала своего питомца Шорро и, когда администрация отеля наотрез отказалась пустить его в гараж, Бриджит просто взяла его к себе в номер, как карманную собачку, приведя тем самым весь персонал в полнейший ужас.

Однако не всем занятым в съемках животным повезло так, как ослику. В картине также участвовала корова, а чтобы она вела себя спокойно, ветеринар-испанец ввел ей дозу анестезирующего лекарства. Увы, корове укол пошел отнюдь не на пользу, но врач был уже бессилен чем-либо помочь, животное испустило дух прямо на глазах у Бриджит, не отходившей от несчастной коровы ни на шаг. С тех пор актриса стала активно выступать против использования в фильмах животных. Смерть коровы сильно опечалила Бриджит и сорвала график съемок. А поскольку Бриджит была и без того предельно измотана, неудивительно, что она серьезно заболела и слегла на несколько дней.

Через некоторое время Бриджит начала одолевать скука и она позволила себе закрутить роман с местным актером по имени Густаво Рохо. Вскоре об этом стало известно Трентиньяну. Собственно говоря, первым проболтался Рохо — преждевременно, не спросив мнения Бриджит, — он раструбил о том, что они якобы собираются пожениться, что было, разумеется, совершенно не так. Бриджит просто хотелось развеется. Ей было крайне тяжело хоть какое-то время оставаться в одиночестве. Вполне понятно, Жана-Лу это мало обрадовало. Но к тому времени, когда работа над фильмом завершилась и они с Бриджит еще могли бы наладить отношения, его перевели служить в Трир, в Германию.

К рождеству их роман окончательно сошел на нет. Но она действительно любила Жана-Луи.

Франция вела войну в Алжире, и Бриджит места себе не находила от беспокойства за любимого. Она обивала пороги в

военном министерстве, строила глазки чиновникам, каждый из которых пытался ее соблазнить, ездила на свидания к мужу.

«Бриджит буквально выжимает из людей соки, — утверждает Ален Карре, который несколько лет был секретарем и доверенным лицом Бардо и поэтому многого насмотрелся. — Она импульсивна. Она из тех людей, кто, рассердившись, легко причиняют боль другим. Жан-Луи был просто душка, но слишком бесхарактерный, чтобы держать ее в руках. Ему не хватало твердости, чтобы сладить с нею».

Еще какое-то время Бриджит продолжала ездить на выходные к Трентиньяну — в пятницу вечером она поездом отправлялась в Германию и возвращалась в Париж в воскресенье поздно вечером, неизменно в сопровождении верного Карре. Однако понадобилось не так уж много времени, чтобы Бриджит отозвалась об этих уик-эндах так: «Лучшее, что о них можно сказать, — что я, слава Богу, езжу туда поездом». «Она не из тех, кто способен любить на расстоянии, — продолжает Карре, — мужчина просто не имеет права оставлять ее одну. Бриджит надо, чтобы он день и ночь находился при ней, без внимания и постоянной заботы Бриджит становится очень скучно, и она начинает искать приключения». Таким образом, Бриджит прожила с Трентиньяным чуть больше года.

Глава 14
Жильбер Беко и папарацци

На какое-то время место отсутствующего Трентиньяна занял молодой французский композитор и певец Жильбер Беко. Трентиньяну стало известно и об этом, и, дабы не доводить дело до скандала, Беко, кстати, в то время он был женат, пошел на попятную.

Как затем рассказывала эту историю сама Бриджит, Беко выступал в Женеве и она вознамерилась навестить его там. В один прекрасный день она, без всякого предупреждения, объявилась там. Ну а поскольку Беко не хотелось, чтобы об этом стало известно, он предложил, чтобы Бриджит, пока не закончится его выступление, потихоньку прошла к нему в гримерную и спряталась в туалете. После того как все разойдутся, пообещал певец, они с ней отправятся в какой-нибудь ресторанчик.

Так что, пока Беко пел для публики, Бриджит прокралась к нему в гримерную и спряталась в туалете. А потом уснула. Когда же она проснулась, было уже за полночь, театр пуст, а Беко и след простыл.

Бриджит в бешенстве бросилась на поиски и, обнаружив автомобиль певца возле одного ресторана, залезла внутрь и с силой нажала ногой на клаксон. Она разбудила всю округу, устроив такой переполох, что впоследствии Беко жаловался репортерам на то, какие выходки себе позволяет Бриджит Бардо.

Вконец измученная съемками, Бриджит вместе с Мижану на короткое время уехала из Парижа покататься на лыжах в Кортина д'Ампеццо, в Италию. Но и там репортеры преследовали ее по пятам. От них отбоя не было, они только и знали, что щелкали своими фотоаппаратами. Дело кончилось тем, что Бриджит провела три дня у себя в номере. Она боялась высунуть нос. Репортеры торчали даже у нее под дверью, прислушиваясь, что там делается у нее внутри.

Мижану неизменно пыталась защитить старшую сестру, оградить ее от досужих приставаний. Но и ее газетчики то и дело обводили вокруг пальца.

На отдыхе Бриджит в очередной раз слегла, девушка очень много работала и ее иммунитет постоянно был в подорванном состоянии. Она велела сделать заявление для прессы, что это всего лишь пищевое отравление — по всей видимости, ей попались недоброкачественные улитки, — а вовсе не очередная

попытка самоубийства. Ее карьера стремительно набирала скорость. И хотя сама Бриджит еще об этом не догадывалась, так будет продолжаться еще примерно целое десятилетие.

Когда Отто Премингер покупал права на экранизацию романа Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть», он планировал пригласить Бриджит на роль Сесиль — избалованной девчонки, втянутой в любовный треугольник, где фигурировал ее отец. Вадим отговорил Бриджит дать согласие на эту роль. В результате Премингер был вынужден пригласить Джин Сиберг, и фильм потерпел фиаско.

Примерно в то же самое время Вадим и Леви вбили себе в голову, что им не сыскать лучшей экранной пары, чем Бриджит и Фрэнк Синатра. Вадим быстро набросал сюжетик и слетал к Синатре в Лас-Вегас. Синатра вроде бы проявил интерес, и дело даже дошло до более или менее серьезного обсуждения. В какой-то момент Леви даже согласился заплатить им обоим по 200 тысяч долларов плюс процент от будущих доходов. Однако Бриджит наотрез отказалась сниматься в Штатах, а Синатра не желал приезжать в Париж, так что все переговоры обернулись ничем.

Боб Хоуп тоже желал залучить Бриджит в свои сети. Его телекоманда предложила ей 25 тысяч долларов за десятиминутное появление на экране. Ольга Хорстиг заверила людей Хоупа, что Бриджит ни за что на это не пойдет, однако все же передала просьбу американцев. Как и следовало ожидать, Бриджит ответила отказом, поскольку намеревалась отправиться в Мерибель кататься на лыжах. Хоуп лично пытался уговорить ее, пообещав, что если она пожелает, его телевизионщики сами приедут к ней в Париж. Все, что требуется от Бриджит, не унимался Хоуп, это появиться в студии и минут десять провести в его обществе, после чего она может сколько угодно кататься на лыжах. Но Бриджит повторила, что едет кататься на лыжах, и, так и не клюнув на предложенные Хоупом 25 тысяч, как и планировала, уехала в Мерибель.

Глава 15
Двадцать две картины

Шел двадцать второй фильм с ее участием, и Бриджит, можно сказать, дошла ровно до середины своей актерской карьеры.

Первый намек на то, что не все ладится в ее жизни, прозвучал в одной из реплик, брошенной ею кому-то на съемочной площадке. Бриджит как бы размышляла вслух: «У меня такое чувство, будто жизнь проходит стороной. Мне вообще не следовало сниматься. А теперь я словно попала в беличье колесо. Ну почему я в восемнадцать лет не вышла замуж за надежного положительного мужчину? Обзавелась бы детьми, купила бы виллу в Аркошоне и наслаждалась бы семейным счастьем без всего этого притворства». Ей еще не исполнилось и двадцати четырех.

В конце года журнал «Синемонд» назвал Бардо звездой первой величины французского экрана. Правда, французы были отнюдь не едины в подобном мнении, Бриджит постепенно начала занимать верхние строчки в списках популярности, с легкостью опережая в Европе таких своих соперниц, как Мишель Морган и Джина Лоллобриджида, а в Штатах — Элизабет Тейлор и Мэрилин Монро.

Даже из СССР просочились слухи о том, будто русские поклонники, знавшие о ней лишь понаслышке и не видевшие ни одной картины с ее участием, были готовы выложить на черном рынке за ее фото недельный заработок. В Германии пылкие почитатели Бардо устраивали в очередях драки за право первыми попасть в зал на ее картину.

В Великобритании хозяин сети кинотеатров, специализировавшихся на скандальных фильмах, заказал местному художнику пластмассовую статую актрисы в натуральную величину и почти нагишом, которую затем установил в фойе кинотеатра, где шла последняя картина с ее участием. Но вскоре куклу украли. Она обнаружилась несколько дней спустя в бюро находок одной из станций лондонского метро. Когда фильм, наконец, сошел с экрана, куклу выставили на продажу. Одна женщина хотела приобрести ее в подарок сыну к совершеннолетию. Другой хотелось осчастливить ею своего жениха. Одному художнику она была нужна потому, что там, где он жил, на севере Англии, трудно найти обнаженных натурщиц. Предложения поступали даже от экипажей судов Королевского флота и от матросов, работавших в машинном отделении

океанского лайнера «Королева Елизавета». В конце концов, кукла была продана кому-то в Манчестер, поскольку тот человек просто хотел иметь ее для себя.

К этому моменту уже никто в мире не сомневался, что камера любуется Бриджит. Некоторые женщины могут быть потрясающе красивы, и, тем не менее, перенесенная на экран, их красота почему-то меркнет. Бриджит природа наделила красотой сполна, и на фотографиях это выглядело просто поразительно. Она удостоилась титула самой красивой женщины в мире. Правда, кое-кому она казалась скорее самой опасной. Другие же считали ее полностью освободившейся от всяких условностей. В результате Бриджит Бардо незаметно для себя оказалась заложницей созданного вокруг нее мифа, известного вскоре во всем мире как «Б. Б.»

Что касается того, кто первым изобрел это прозвище, Бриджит отвечает на этот вопрос в типичной для нее язвительной манере: «Поскольку и Бриджит и Бардо оба слова начинаются с одинаковой буквы, наверняка то был какой-нибудь эрудит».

Кино давно уже перестало быть ей в радость. Шоу-бизнес ее не интересовал.

Глава 16
«Я иду к себе в контору»

Бриджит ощутила себя в западне и признавалась годы спустя: «Актерская работа никогда не приносила мне удовольствия. Она никогда не определяла моего существования». Для Бриджит это был лишь способ зарабатывания денег. По дороге в студию она говорила себе: «Я иду к себе в контору». Единственной причиной, удерживающей ее в кино, было то, что она делала здесь немалые деньги. Но теперь Бриджит уже ясно понимала, что ей совершенно ни к чему вся та шумиха, что обычно сопутствует популярности. К несчастью для актрисы, пройдет еще пятнадцать лет, прежде чем она начнет освобождаться от оков славы.

Как правило, пунктуальная, вызубрившая наизусть свои реплики, — чего не скажешь о многих звездах, — Бриджит отправлялась в студию, потому что это была ее работа, ее «контора», куда, как известно, люди ходят на службу. Примером для Бриджит служил ее отец. Единственным же положительным моментом съемок на натуре было то, что, работая, Бриджит могла одновременно полюбоваться морем или горами. В этом смысле она проявляла известную дисциплинированность. Именно это, поскольку на самом деле она была равнодушна к кино, и легло в основу того уникального метода, при помощи которого Бардо выбирала себе картины. Она никогда не давала согласия, если ей понравился сценарий, она соглашалась из-за режиссера или других актеров.

«Если сценарий выглядел «мило», — рассказывает Вадим, — она за него бралась. «Oh, c'est mignon», — восклицала Бриджит, что можно перевести так: «Как мило!» — и подписывала контракт. Разумеется, это не критерий для серьезной актрисы. Когда же ей случалось попасть в настоящую драму, во что-нибудь основательное и тяжеловесное, она тотчас раздражалась и принималась ныть: «Ну как только меня угораздило?».

Как ни парадоксально, Бриджит вполне могла бы сниматься в лучших фильмах — таких, что наверняка пошли бы на пользу ее карьере, — будь она менее красива. Но поскольку господь наделил ее потрясающей красотой, все только и делали, что твердили ей об этом, и она изо дня в день слушала эти восхваления. И спустя какое-то время тоже в это поверила. Роли, что предлагали ей, были рассчитаны, в первую очередь, на красивую женщину и лишь затем — на актрису.

Вадим полностью разделяет это мнение: «Безусловно, в

выборе сценариев ей не хватало профессионального чутья на лучшие фильмы. Но опять-таки, причина в том, что она не любила кино. Ей оно было безразлично. Она все делала поверхностно. Хотя на все это можно взглянуть и по-другому. Если ей чего-то не хотелось, то причина, вероятно, кроется в ее прозорливости, здравомыслии — Бриджит как бы заранее остерегалась некоторых ролей. Эти роли наверняка были более интересны, но слишком далеки от личности Бриджит Бардо. То есть такие, где ей пришлось бы играть кого-то еще, а не саму себя. Вот почему в конечном итоге она останавливала свой выбор на легких ролях, где могла бы оставаться Бриджит Бардо».

Через год после покупки квартиры на авеню Поль-Думер Бриджит приобрела «Мадраг» и начала проводить все свое свободное время в Сен-Тропе. Здесь судьба свела ее с Саша Дистелем. Племянник прославленного французского музыканта Рея Вентуры, Дистель на протяжении нескольких лет купался в лучах его славы. Он был молод, хорош собой и полон честолюбивых замыслов. Дистель явился основоположником музыкального стиля, получившего во Франции название «скуби-ду» — то была ранняя версия французского рок-н-рола и, до некоторой степени, того, что благодаря «Битлз» в скором будущем стало известно во всем мире как стиль «йе-йе».

Глава 17
Саша Дистель и Жозеф Шарье

Саша Дистель обитал тогда в Сен-Тропе, в небольшой квартирке. По чистой случайности в один прекрасный день он столкнулся с некой Ирен Дервиз, журналисткой «Пари-Матч», которая приехала сюда, чтобы сделать материал о Бардо.

Судя по его рассказу, Бриджит показала свой характер, упорно отказывая Дервиз в интервью. «Бриджит была в ужасе от свалившейся на нее славы, ей в буквальном смысле приходилось выдерживать осаду слетавшихся со всего света журналистов».

Дистель рассказывает, что Бриджит искала спасения за стенами «Мадрага» и Дервиз уже собралась было обратно в Париж. Уже почти ни на что не надеясь, журналистка попросила Дистеля съездить с ней в «Мадраг». Дистель утверждает, что сильно сомневался в этой затее. Во-первых, у него не было ни малейшего желания навязываться кому бы то ни было, а во-вторых, он отнюдь не был уверен в том, что Бриджит вообще откроет им дверь. Дервиз, однако, стояла на своем, и Дистелю ничего не оставалось, как присоединиться к ней. Если верить Дистелю, к величайшему удивлению их обоих, Бардо не только открыла дверь, но даже была рада их видеть — в особенности Дистеля. Ирен Дервиз, теперь ее зовут Ирен Боллинг — она замужем за одним из самых прославленных европейских джазменов — настаивает на собственной версии. По ее словам, она обмолвилась Дистелю, что хотела бы посетить «Мадраг», и тот пригласил ее с собой. Как бы там ни было, эта встреча обернулась для Ирен Дервиз поводом для статьи, а для Саша Дистеля — приглашением на обед. Поскольку холодильник был практически пуст — опять-таки, согласно версии Дистеля, он даже навлек на себя гнев Бриджит, заявив, что она была слишком прижимиста, чтобы чем-либо его наполнить, — они отправились в ресторан. После ресторана они заехали в клуб под названием «Д'Эксвинад». В ту пору в моду вошел танец «ча-ча-ча», и они протанцевали всю ночь. Под конец прозвучали несколько медленных мелодий, и Дистель понял, что сжимает Бриджит в своих объятьях. Той ночью они возвратились вместе с нею в «Мадраг».

Стоит отметить, что своим мужьям и любовникам Бриджит Бардо приносила счастье. Она словно дарила волшебный поцелуй удачи. Благодаря ей Саша Дистель стал известным певцом, другие выбились в продюсеры, преуспели в шоу-бизнесе: она

ставила на избранника свое фирменное клеймо, и за счастливчиком немедленно начинала охотиться пресса. Расставаясь с любовниками, Бриджит приобретала в их лице друзей, как правило. Скорее всего, в этой способности виновником был именно Вадим, который был первооткрывателем и который показал Бриджит, что расставаться можно и нужно друзьями.

У Бриджит были уютная двухэтажная квартирка, вилла «Мадраг» в Сен-Тропе, чудесный маленький «остин», служанка, черный коккер-спаниель и уверенный в собственных чарах Саша Дистель. У Жака Шарье не было ничего, кроме папы-полковника. Он жил в жалкой однокомнатной квартирке с душевой кабиной и питался пивом с сандвичами. От сандвичей Бриджит толстела, от грязных маек Жака ее мутило, еле работающий душ приводил в ужас. Съемочная группа думала, что она так жалко выглядит из-за ночей любви, которые ей дарит Жак, а на самом деле Бриджит просто не высыпалась — в комнате ее любовника не было занавесок. Кончилось дело тем, что она привела Жака к себе домой за полчаса до того, как туда наведался Саша. Ключ от спальни Бриджит успела выбросить в окно. Разъяренный Саша тарабанил в дверь несколько часов, а потом просто ушел. Ушел навсегда, предоставив Бриджит довольствоваться своим «зеленым» юнцом. Позже они примерились и разногласий, обид и споров больше между ними не было.

Новый партнер Бриджит родился в Метце, во Франции в 1936 году. Его отец, Жозеф Шарье, был полковником французской артиллерии, так что детство мальчика было типичным детством ребенка из семьи военного, то и дело переезжающей с места на место в зависимости от нового назначения отца. Однажды это была даже Африка. Однако в отличие от своих братьев, что пошли по отцовским стопам, Жак учился в Школе изящных искусств, увлекаясь то живописью, то керамикой, то интерьером, то сценическим искусством — тем более, что природа одарила его привлекательной внешностью. Проучившись какое-то время в Парижском центре драматического искусства, он начал выступать в театре и даже участвовал во французской постановке «Дневника Анны Франк». Из театра его занесло на съемочную площадку, где он сыграл свою первую роль в картине «Обманщики».

1959 года Бриджит вместе с новоиспеченной любовью всей ее жизни отправилась в Шамони-ле-Гуш. Они сняли себе шале и неожиданно оказались оторваны от мира запоздалой весенней снежной бурей. Пара ворковала там столь приличное время, что Бриджит столкнулась с очень волнующей для нее дилеммой, или как точнее, самой настоящей проблемой. Бриджит забеременела.

Шарье был бы очень счастлив подобной новостью, поскольку очень любил и хотел детей, а вот Бриджит была настроена категорически против. Как только Бриджит поняла, что беременна, еще ничего не говоря Шарье, она позвонила Вадиму, объяснив позже этот звонок просто тем «Что ей надо и все». Она не хотела и не собиралась ничего объяснять Шарье, пока не примет решения сама, что было нечестно по отношению к Шарье, но такой был ее характер. Позвонив Вадиму, Бриджит настояна на скорой встрече. Вадим предложил приехать к ней, но Бриджит знала, что Шарье придет в ярость, если ее бывший муж появится в их доме, поэтому она решительно отказалась от этого предложения.

Вадим пообещал, что будет ждать ее в своем недавно приобретенном «дайтоне-феррари» голубого цвета на углу Порт-де-ля-Мюэт. Бриджит очень волновалась и так спешила увидеться, что пришла на место встречи задолго до назначенного времени. Едва заметив Вадима, Бриджит как можно скорее кинулась к его машине, и они кружили по городу более часа. Бриджит с ходу ошарашила Вадима новостью: «Я беременна. Что мне делать?».

У них с Вадимом тоже случались подобные проколы. И как-то раз они даже ездили решать эту проблему в Швейцарию. Вадиму было известно, что Бриджит категорически против детей. И если ребенок способен расстроить ее до такой степени, что она сделает какую-нибудь глупость — например, впадет в глубочайшую депрессию и попробует наложить на себя руки, неразумно настаивать, чтобы она его сохранила. Вадим понимал, что будет проще, если она снова съездит в Швейцарию и решит там возникшую проблему. Но с другой стороны, размышлял Вадим, когда женщина рожает ребенка, в ее организме и психике происходят перемены, и вполне возможно, у нее изменится отношение к детям. Интересно, задавался вопросом Вадим, как вообще она может утверждать, что не любит детей, если у нее самой их еще нет. Тревожило его еще и то, испытывает ли она сомнения. Что если вдруг она решит, что ей все-таки хочется ребенка, и тогда просто преступно требовать, чтобы она сделала аборт.

«Прислушайся я тогда к голосу разума, — рассказывает Вадим, — я бы предложил ей избавиться от ребенка. Но при данных обстоятельствах, учитывая все те эмоции, что обычно сопровождают таинство появления на свет человека — даже если шансы на то, что она будет любить этого младенца равнялись один к тысяче, — я все-таки посоветовал ей рожать. Мы ездили с ней по городу часа полтора. Я убеждал ее, что если она не родит этого ребенка, то так до конца дней своих и не узнает, способна

ли она на материнскую любовь или нет. По-моему, эта дискуссия, что имела место между мной и ею в машине, сделала свое дело, я убедил ее оставить ребенка».

В течение еще некоторого времени Бриджит спрашивала совета у нескольких своих друзей. Так, например, Гуз-Реналь, которой также было известно о нежелании Бриджит обременять себя детьми, предложила помочь ей с абортом. Во Франции аборт все еще оставался под запретом — кстати, такое положение сохранится еще десять лет, — однако те, кто был в состоянии заплатить за эту операцию, могли без труда договориться с врачами.

Но в тот момент, когда Бриджит все-таки приняла решение избавиться от ребенка, случился самый невероятный конфуз — Бриджит отказали во всех клиниках, мотивируя это тем, что она слишком популярна, чтобы кто-нибудь осмелился взяться за подобную работу. Бриджит не выдержала давления и отчаянья и спустя некоторое время, рассказала Шарье о том, что она беременна. Разумеется, Жак с радостью воспринял эту новость, он так давно мечтал, что у них с Бриджит будет теплое, настоящее семейное гнездышко и много-много детишек. Жак очень категорично настоял на том, чтобы Бриджит оставила ребенка и заявил, что им срочно нужно пожениться.

Глава 18
Беременность

Не уверенная в себе, в страхе перед грядущим материнством, терзаемая сомнениями, сумеет ли она справиться с ребенком, Бриджит тем не менее согласилась. Как бы там ни было, к этому времени в газеты уже просочилась весть о том, что она в положении. Прервать беременность на этой стадии было практически невозможно.

Стоит ли удивляться — принимая во внимание все те пакости, которые ей уже приходилось терпеть от газет, — что они с Шарье держали свадебные планы в секрете. Они оба опасались, как бы нашествие поклонников и репортеров не омрачило скромное семейное торжество. Кстати, у них имелись все основания для опасений.

Не имея возможности венчаться в церкви — ведь в глазах Ватикана Бриджит по-прежнему оставалась замужем за Вадимом, — они назначили на 18 июля гражданскую церемонию, которая должна была состояться в мэрии Лувесьенна.

До свадьбы оставалась еще неделя, когда Бардо с Шарье объявились в Сен-Тропе оба с обручальными кольцами. И если вездесущие репортеры начинали донимать их расспросами, парочка неизменно твердила, что они уже поженились. Идея заключалась в том, чтобы сбить газетчиков с толку, чтобы те не пронюхали об истинном дне и месте бракосочетания. В субботу, 17 июля, в день, когда Бардо и Шарье вернулись в Париж, Тоти подтвердила в Сен-Тропе, что пара сочеталась браком девятью днями ранее. Правда, Тоти умолчала о том, где, собственно, это произошло, ограничившись замечанием, что, мол, узел уже завязан. Увы, эта уловка не сработала. Как и другая, предложенная Аленом Карре и дублершей Бриджит — Маги Мортини.

Чутье подсказывало пишущей братии, что назревают какие-то важные события, и редакторы поспешили выставить перед домом на авеню Поль-Думер круглосуточную вахту. Чтобы сбить их с толку, Карре и Мортини притворились, будто они — Жак и Бриджит. В квартире до поздней ночи горел свет, и «мнимые супруги» то и дело появлялись в окнах, разыгрывая перед репортерами счастливую парочку. Тем временем истинные жених с невестой успели добраться до Лувесьенна.

К сожалению, кто-то из мэрии проболтался, что церемония назначена на четверг, и когда оба семейства прибыли на тайное

бракосочетание, их уже поджидали репортеры из «Пари-Матч». Среди команды газетчиков — а их там собралось человек 10–12 — имелся и знакомый Бриджит, фоторепортер Филипп Летельер. «Любая свадьба во Франции является публичным событием. Таков закон. Так что мы считали себя в полном праве проследовать вслед за ними в зал».

Забавно, но за церемонией наблюдала, как и во всех подобных случаях, символ Франции, Марианна. Мэр Ферран Гийом пригласил обе семьи занять свои места в свадебном зале, где на них взирал бюст Марианны. Бриджит и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день этот зал украсится скульптурой с ее лицом — в день, когда всенародным голосованием ей будет предоставлена честь олицетворять собой Францию. И на протяжении многих лет миллионы юных пар будут скреплять брачный союз в буквальном смысле пред очами Бриджит Бардо. Неожиданно со всех сторон засверкали камеры. Никак не ожидая, что репортеры проследуют за ними в зал, Бриджит разразилась слезами: «Я не хочу, чтобы меня снимали!».

Мэр пригласил жениха и невесту с их родителями — он особо подчеркнул это — пройти к нему в кабинет. Обе семьи перебрались туда, но опять-таки, в соответствии с французскими законами, дверь в кабинет осталась открытой. Так распорядился Гийом. Шеф полиции же выставил несколько крепких парней, чтобы те не пускали фотографов. Возмутившись, что им отказано в праве честным трудом зарабатывать себе на жизнь, репортеры устроили потасовку — сначала с полицией, а затем и между собой. Они толкались и отпихивали друг друга, желая занять место напротив открытой двери.

В сопровождении этого шума и гама сама церемония заняла семь минут. Жених поцеловал невесту, родители обменялись рукопожатиями, все принесли извинения мэру, а мэр в свою очередь также извинился перед всеми. Так Бриджит Бардо стала мадам Шарье.

Теперь перед новобрачными и гостями стояла задача целыми и невредимыми выйти из мэрии. В здании имелся только один выход, и, напустив на себя храбрый вид, оба семейства После принялись пробиваться наружу сквозь ошалевшую от ожидания толпу. Наконец они расселись по машинам и вскоре скрылись за высокими стенами семейной виллы Бардо. скромного семейного торжества Мортини и Карре снова превратились в Бриджит и Жака. На этот раз их номер, можно сказать, удался. Прикрывая лицо, чтобы ввести в заблуждение папарацци, они уселись на заднее сиденье машины и рванули в Париж, увлекая за собой стаю газетчиков. Оказавшись, наконец, в квартире, они замкнули

дверь на замок и отказались выходить наружу. Репортерам ничего не оставалось, как возобновить свои бдения. Осада продолжалась.

Как только путь в Лувесьенн стал для них открыт, Бардо и Шарье потихоньку улизнули в Париж на Лионский вокзал, а оттуда отбыли «голубым экспрессом» на юг. Там, с вокзала Сен-Максим, они на машине прикатили в «Мадраг», где и провели десять дней в тиши и спокойствии.

Однако над их союзом словно витало некое проклятие. У Шарье случился приступ аппендицита, и он был доставлен в больницу. Не успел он до конца поправиться, как Бриджит уже надо было переезжать в Ниццу, где ей предстояли съемки картины «Не хотите ли станцевать со мной?». Это была ее третья работа с Мишелем Буароном. А пресса уже вовсю рассуждала об их с Шарье будущем.

Бардо отреагировала со свойственной ей искренностью: «Каждый раз, когда я влюбляюсь, — заявила она, — я не делаю из этого секрета. Я рассказываю о моем избраннике, я не прячу его от посторонних глаз — наоборот. Людей возмущает, в первую очередь, моя откровенность. Клянусь вам, что если я разлюблю моего мужа Жака Шарье, то первая объявлю об этом. Я прямо так и скажу. Если я вторично вышла замуж, это вовсе не означает, что теперь я изменилась».

Через несколько дней после выписки из больницы, когда Шарье выздоравливал в Ницце, его настигла армейская повестка. Жака извещали о том, что в ноябре он обязан заступить на действительную службу. В те дни в армии служили два года. Сам Шарье был родом из военной семьи и отлично понимал, какие тяготы ему предстоят. Тем не менее, он вовремя прибыл на призывной пункт, откуда его отправили в Оранж. Молодая супруга же осталась в полном одиночестве.

История повторилась — в духе Трентиньяна. Однако оказалось, что Шарье приспособлен к армейской жизни еще даже менее, чем Жан-Лу Он превратился в объект насмешек и издевательств всей казармы. На стенах появились фото Бриджит в самых соблазнительных позах. Бедняга Шарье не знал, куда ему деваться от вечных шуточек и подначек, ну а поскольку он был мужем Бардо, пресса постоянно держала его в поле зрения. Солдаты же, даже при всем их желании, не могли считать его своим в доску. Шарье подал рапорт об увольнении, но армейское начальство не пожелало даже прислушаться.

Наконец, поступило известие, что жена в нем нуждается — Бриджит тогда уже дохаживала беременность, — и Шарье получил трехдневную увольнительную. Они не видели друг друга чуть больше месяца, но когда он шагнул в дверь, Бриджит едва

его узнала. Жак похудел почти на восемь килограммов и сильно заикался. Через два дня от одной только мысли, что ему предстоит вернуться в казарму, у Шарье случился нервный припадок. Его отвезли в больницу в Валь-де-Грас, где в лечебных целях напичкали снотворным. Уже в больнице, под наблюдением врачей, Шарье пробовал перерезать себе вены. В результате, принимая во внимание плачевное состояние его здоровья и грядущее появления на свет младенца, армейское начальство предоставило ему годичный отпуск.

Состояние здоровья мужа, а также постоянные нападки на них обоих со стороны прессы, не могли не отразиться на Бриджит. Она даже заявила близким друзьям, что не иначе Господь решил наказать ее, заставив уступить увещеваниям Шарье, будто она должна родить этого ребенка. Казалось, будто весь мир ополчился против нее. И где бы Бриджит ни появлялась, она только укреплялась в этом своем чувстве. Как-то раз, навестив Шарье в больнице, Бриджит пошла прогуляться со своим отцом. Не прошли они и квартала, как к ней подскочил какой-то тип и принялся осыпать ее оскорблениями: «Ты, шлюха! Недолго тебе понадобилось, чтобы прибрать к рукам еще одного мужика!».

К тому моменту, как Шарье выписался из больницы, папарацци уже выстроились вдоль авеню Поль-Думер, боясь упустить появления «мадонны с младенцем». Бриджит в качестве будущей детской приобрела соседнюю двухкомнатную квартиру. Но до сего момента она все еще намеревалась рожать в больнице. Стоило только всплыть имени то одного, то другого врача, как репортеры пытались подкупить его, чтобы им было позволено незаметно установить фотоаппаратуру в родильной палате и таким образом запечатлеть новорожденного. Стоило лишь назвать клинику, где произойдут роды, как репортеры были уже тут как тут, дожидаясь прибытия Бриджит и раздавая нянькам взятки. Счастливчик, который первым сумеет запечатлеть новорожденного младенца Бриджит Бардо, мог спокойно диктовать цену — на тот момент это, несомненно, был самый ходкий товар во всей Европе.

Представители прессы одолевали ее телефонными звонками, подсовывали ей под дверь анкеты, а затем принимались барабанить в дверь в надежде, что она им откроет. Они заблокировали улицы и сняли квартиры в доме напротив, нацеля на ее окна объективы своих фотокамер.

Бриджит дохаживала последний месяц, но в результате оказалась пойманной в западню в собственной квартире. Чтобы как-то защитить себя от назойливых телеобъективов, она была вынуждена жить за задернутыми шторами. Супружество с Жаком

уже становилось ей в тягость. Бриджит требовала к себе постоянного внимания, чего Шарье никак не мог ей дать. В этом проявилась незрелая сторона ее натуры, ведь ей надо, чтобы с ней обращались как с куклой. Шарье же был на это просто не способен. Когда же пресса сделала из ее беременности сенсацию, Бриджит оказалась в своей квартире как в западне, превратившись в своего рода заложницу, что просто жестоко по отношению к ней. Она провела последний месяц беременности в четырех стенах, потому что внизу ее поджидали толпы репортеров, а на другой стороне улицы — бесчисленные фотографы, отравлявшие ей существование.

Пытаясь как-то оградить себя и Бриджит от назойливой прессы, Шарье нанял телохранителей. Двоих он выставил у парадной двери, чтобы они не пускали внутрь журналистов. Но толпа у дома подчас бывала столь велика и порой неуправляема — здесь то и дело вспыхивали потасовки, — что полиции ничего не оставалось, как прислать сюда на подмогу еще нескольких жандармов. И все равно, всякий раз, когда Пилу и Тоти навещали дочь, им как, впрочем, и любому, кто шел к Бриджит, приходилось терпеть бесцеремонное обращение со стороны газетчиков. Однажды у входа появились двое рассыльных — один с колыбелькой, другой — с детской кроваткой, — после чего тотчас распространился слух, будто Бриджит ожидает двойню.

Вконец издерганная, Бриджит подписала составленное Шарье послание, адресованное редакторам газет и агентств новостей: «Прошу Вас прекратить эту травлю, что особенно невыносимо для женщины, которая должна родить со дня на день». В обмен на то, чтобы ее, наконец, оставили в покое, Бриджит пообещала встретиться с репортерами вскоре после рождения ребенка. Судя по всему, это обещание не возымело никакого эффекта.

Поскольку новостей как таковых не было, кто-то пустил слух о том, будто Бардо застраховала себя на пять миллионов франков на тот случай, если при родах возникнут осложнения. Надеясь достичь временный компромисс с прессой, Бриджит согласилась ответить на ряд вопросов, переданных ей в письменном виде газетой «Л'Орор». Как и следовало ожидать, у нее спрашивали всякие глупости.

В одну из суббот на кануне родов одна парочка фотографов проникла в дом Бриджит по черной лестнице. Переодевшись монахинями, они уверяли, что всего лишь собирают пожертвования для церкви. Лжемонахини намеревались постучать в дверь и, когда им откроют, быстро сфотографировать Бриджит. Но Шарье успел преградить им вход.

Такая выходка ужасно сильно расстроила Бриджит, и у нее

случился очередной нервный срыв. Увы, Бриджит не могла даже носа высунуть за дверь квартиры. Более того, в довершение ко всем бедам, она вот уже несколько месяцев подряд страдала от хронической инфекции мочевыводящих путей, что на девятом месяце привело к осложнению, и у нее разболелись почки. Бриджит не могла без содрогания смотреть на себя в зеркало. Мучаясь постоянными болями, она приходила в ужас при мысли, какую уродину сделал из нее находившийся в ее чреве младенец. Подумать только, в какую западню она угодила, превратившись в пленницу в стенах собственной квартиры!

Наконец врачи распорядились, чтобы родильная палата была устроена прямо в квартире. И в понедельник, 11 января 1960 года, чуть позже половины третьего ночи на свет появился Николя Шарье.

Через час новоиспеченный отец спустился вниз, чтобы объявить примерно трем сотням фотографов и репортеров о рождении сына. Шарье сообщил им, что роды длились около четырех часов, что младенец родился весом около шести фунтов и что, когда Бриджит сказали, что это мальчик, она воскликнула «Ну и отлично!».

После этого Шарье пригласил всех присутствующих в кафе на углу поднять бокал шампанского за здоровье новорожденного. Вскоре журнал «Мир кино» подсчитал, что к этому моменту французские еженедельные издания посвятили Бриджит более миллиона строк и еще примерно вдвое больше написали о ней еженедельники. Кроме того, по прикидкам журнала, по всему миру было опубликовано около тридцати тысяч ее фотографий. Согласно другим подсчетам, Бриджит Бардо являлась темой для разговора у 47 % французских семей.

Спустя два десятилетия, когда Бриджит уже давно отошла от кино, «Журнал дю Диманш» провел опрос читателей на тему «Женщина и политическая жизнь Франции». Когда молодым людям 18–24 лет был задан вопрос о том, кто, по их мнению, наиболее полно олицетворяет собой страну, подавляющее большинство отдали предпочтение Бриджит Бардо. В том же самом году читатели журнала «Пари-Матч» назвали ее в качестве наиболее почитаемой женщины Франции.

В то утро, когда Бриджит исполнилось двадцать шесть лет — а к этому времени она уже была одной из знаменитейших женщин в мире, — Бриджит Бардо убедила себя, что именно слава является причиной всех ее бед и несчастий.

Бриджит была более не в силах терпеть постоянный конфликт между ее частной жизнью и тем образом, что рисовался в глазах публики.

Бриджит внушила себе, что ей ни за что не справиться с воспитанием Николя. Более того, ее брак с Шарье держался буквально на волоске. Что бы Бриджит ни делала, что бы ни сказала, что бы ни надела — все это становилось достоянием прессы. До сих пор газетчики ограничивались тем, что преследовали ее, не давали ей прохода, фотографировали ее, разглядывали с головы до ног.

Как только Бриджит через полтора месяца после рождения сына была в состоянии вернуться к работе, она сыграла эпизодическую роль в картине «Это случилось ночью», которую Кристина Гуз-Реналь снимала специально для мужа, актера Роже Анена. Бриджит была в кадре всего несколько секунд — сидела за столиком в ресторане вместе с Шарье и Гуз-Реналь. После этого судьба занесла ее прямиком в картину Анри-Жоржа Клузо «Истина». В этой ленте Бриджит играла роль Доминик, юной провинциалки, мечтающей покорить Париж. Увы, здесь ее лишь подстерегают превратности богемной жизни. В припадке страсти она убивает своего возлюбленного. Девушку ждет тюрьма, и, будучи не в силах объяснить, какие демоны терзают ее, Доминик в конце фильма — вот уж воистину пророческая сцена! — вскрывает себе вены.

Шарье, однажды побывав на съемочной площадке и увидев, как его жена изображает любовные объятия с четырьмя разными мужчинами, потребовал, чтобы она ушла из кино. Бриджит и слышать об этом не желала. Когда же газеты ухватились за столь пикантную тему — то и дело высказывая предположения на тот счет, что их брак доживает последние дни, — Бриджит с Шарье уехали на пару недель в Альпы, наивно полагая, что за это время газеты подыщут себе новый объект для нападок. Разумеется, ее надежды были тщетны и, казалось, все репортеры взяли отпуск на время отсутствия Бриджит. Можно подумать, что кроме Бардо больше вообще не было знаменитостей с пикантными новостями.

Наконец режиссер остановил выбор на Фрее, и сей факт Шарье мало обрадовал. Вскоре после того как Бриджит начала сниматься с Фреем, Рауль Леви заявил, что Шарье отныне запрещено посещать студию, поскольку он уж слишком ревнив и мешает людям работать. В конце концов, нервы у Шарье сдали. С ним случился очередной срыв, и второй раз за свою жизнь он пытался наложить на себя руки. Его доставили в клинику в Медоне и снова накачали снотворным.

Все это время Бриджит была вынуждена держать внутри себя все свои чувства и в результате тоже оказалась на грани срыва. Опасаясь, что его главная героиня того и гляди последует примеру мужа (она сущий ребенок — жаловался Клузо), режиссер

решил, что, прежде всего надо дать ей хорошенько успокоиться и лишь затем требовать от нее приличной игры. Исходя из этих соображений, он перед некоторыми сценами пичкал ее транквилизаторами, а потом заставлял пропустить глоток-другой виски. Результат, рассуждал он позднее, был выше всяческих похвал, поскольку помогал добиться от Бриджит требуемого образа.

Фильм принес большие кассовые сборы — спустя годы Бриджит назовет его своей любимой работой, — однако, что касается методов Клузо, то вряд ли они имели благотворное воздействие на ее нервы. Бриджит и без того была доведена до предела, а смесь успокоительных средств и алкоголя лишь подтолкнула ее к самому краю пропасти. Более того, в отличие от всех предыдущих режиссеров, Клузо оказался не просто любителем раздавать «ценные указания», а сущим тираном.

Прессе почти ничего не было известно о ее конфликте с Клузо, и вскоре газетчики вывернули все наизнанку, утверждая, будто у режиссера с актрисой роман, и вообще Бриджит поменяла Шарье на Клузо, чья жена — бразильянка — в тот момент умирала в больнице. Газеты договорились до того, что история с попыткой самоубийства Шарье — не более чем вымысел — утка, пущенная специально для того, чтобы Клузо и Бардо могли поскорее пожениться. Разумеется, чем больше Бардо и Клузо выступали с опровержениями, жалуясь, что газеты публикуют сущую чушь, тем сильнее утверждались те в своих подозрениях. Домыслы прекратились лишь после того, как кто-то из занятых на съемках проболтался репортерам, что новым увлечением Бриджит является отнюдь не Клузо, а Фрей. Наконец-то газеты разжились сенсацией, причем, вполне правдивой.

Глава 19
Попытка самоубийства

Несмотря на то, что Шарье становился все более и более ревнивым, Бриджит надеялась, что все еще можно было починить, починить их стремительно разрушавшийся брак. Так однажды Бриджит посетила идея, что было бы мило купить домик где-нибудь далеко-далеко в глухой деревушке. Там на свежем воздухе Шарье смог бы заниматься живописью, и возможно его психическое состояние стало бы лучше. Вполне допустимо, что эта сельская идиллия могла оказаться спасительной для отношений Бриджит и Шарье. Увы, этого не произошло. Одним из объяснений, почему распался ее брак с Вадимом, было то, что первый ее супруг отличался полным отсутствием ревности. Теперь же одной из причин, почему она устала от Шарье, стало то, что он был наделен этим качеством в избытке. Спустя годы Шарье станет отрицать, что был таким жутким ревнивцем, каким пытались представить его газеты.

А потом все становилось хуже и хуже. Жак Шарье хотел иметь нормальную семью, а этого Бриджит ему дать не могла. Бриджит было некогда возиться с ребенком, она продолжала сниматься, ей хотелось все так же весело жить. Со временем Бриджит пришла к выводу, что совершенно не способна поддерживать и взращивать семейные ценности. Она также не ощущала особенных чувств к своему маленькому сыну. Да, материнство было чуждо ей до рождения ребенка и чуждо осталось после. В ее случае было действительно глупо полагать, что рождение ребенка изменило бы что-нибудь в ней. Она так навсегда и осталась маленькой девочкой.

Жак Шарье был воспитан в патриархальной семье: он хотел командовать и брать ответственность на себя, но и сам был готов приносить жертвы. В свое время, для того, чтобы остаться с женой, Жак Шарье отказался от главной роли в фильме «На ярком солнце» — говорили, что после нее он должен был стать звездой.

Ему не удалось заговорить судьбу: Бриджит ни от чего отказываться не собиралась. Вскоре после родов она сообщила мужу, что уезжает сниматься и выдержала очередной скандал: он дал ей пощечину, она стукнула его коленом в низ живота — и тут Жак ударом в челюсть отправил ее в нокаут. После этого их брак просуществовал недолго; ребенком стали заниматься Жак и родители Бриджит, а когда они совсем состарились, Николя полностью перешел на попечение отца.

Вскоре Бриджит стало очевидно, что чаша ее терпения была переполнена. Всего двадцати шести лет от роду, вечно преследуемая, не ведающая ни минуты покоя, Бриджит Бардо ощутила, что устала от жизни и больше не в силах выносить эти мучения.

В один из вечеров, когда собралась приличная компания готовящихся хорошо провести вечер и отпраздновать очередной фильм с участием Бриджит Бардо, девушка неожиданно для всех удалилась в сад. Уже было достаточно поздно, и ужин был почти готов. Разумеется, всех гостей обеспокоило то, что спустя полчаса Бриджит не явилась к столу. На ее поиски были отправлены люди. Валетта раздал фонарики, и все взрослые отправились на поиски Бриджит.

«Они ушли искать Бриджит, а я остался один, — вспоминает один мальчик, сын соседки, которая также отправилась на поиски, — и мне было немного не по себе. Я хотел притвориться, что тоже занят поисками, поэтому тоже взял фонарик и спустился с холма вниз к загону, где держали овец. Я постоял там немного, затем повернулся, посветил фонариком и совершенно случайно заметил ее». Бардо сидела возле колодца в самом конце сада, подтянув колени к подбородку, обхватив их руками и низко склонив голову. Мальчик закричал о помощи, и взрослые мигом кинулись к нему. Одежда Бриджит насквозь пропиталась кровью.

Она лезвием вскрыла себе вены.

Сын Баптистины побежал за врачом, а Валетта и Мерседес тем временем отнесли Бриджит в дом. Никто не мог точно сказать, сколько времени она провела в коме. Как потом оказалось, около сорока пяти минут.

Врачи не заставили себя долго ждать, карета скорой помощи приехала незамедлительно. Убедившись, что порезы на запястьях неглубоки, а также догадавшись о том, что Бриджит проглотила изрядную дозу барбитуратов, врач скорой помощи сразу же принялся ее откачивать. Как только Бриджит удалось привести в чувство, врач принял решение переправить ее в Ниццу, в неврологическую клинику Святого Франциска, что в 18 милях от виллы. Он вызвал карету скорой помощи и сам поехал вместе с Бриджит. Папарацци, чьи многочасовые бдения наконец-то были вознаграждены, увязались следом, не желая упускать сенсацию года.

На следующее утро врачи клиники выступили с заявлением, что жизнь Бриджит вне опасности, хотя, добавляли он, их пациентка страдает от глубокой нервной депрессии. Врачи также признали, что ее жизнь спасли считанные минуты.

Глава 20
Материнство

В 1962 году Бриджит и Жак Шарье, наконец, развелись, их двухлетний сын оставался с отцом. По-настоящему мать с сыном встретились лишь через пять лет, когда Николя уже было семь. На протяжении всего этого времени мальчик то и дело расспрашивал о матери, но всякий раз слышал в ответ, что она занята на съемках и разъезжает по белу свету. В конце концов, Шарье женился во второй раз. Вместе со второй женой он воспитывал ребенка Бардо наравне с другими своими детьми, живя на небольшой ферме недалеко от Базоша.

«Дети меняют женщин, — говорит Жак Шарье. — В материнстве есть нечто такое, что вызывает к жизни глубоко запрятанные инстинкты. Но вот Бриджит ребенок не изменил. Уму непостижимо. Ну, может, раз-другой в ней проснулись материнские чувства, да и то ненадолго».

Вадим впервые увидел Николя, когда тому от роду было всего несколько дней.

«Ни для кого не секрет, что Бриджит не любит детей, и ей было нелегко примириться с мыслью, что и она стала матерью. Я отправился навестить ее сразу после того, как малыш появился на свет. Она склонилась над кроваткой ребенка, а на голове у нее была огромная шляпа. Младенец зашелся в крике. Возможно, он испугался этой шляпы. Но Бриджит без конца твердила мне, что он кричит потому, что якобы ее ненавидит». И отношения между матерью и сыном были полны непонимания.

Когда мальчику исполнилось 12, он поехал к ней в гости в Сен-Тропе. В те годы он еще боготворил мать. Но поскольку в «Мадраге» и без него хватало всяких гостей, комнаты для Николя не нашлось, и Жак Шарье договорился с Вадимом, чтобы мальчик остановился у него и его жены, Катрин Шанель.

Когда на следующее утро за Николя приехал шофер, чтобы отвезти его в «Мадраг», радости мальчика не было предела. Мать дала ему урок игры на гитаре, а затем они вместе с ней катались на лодке. Но затем Бриджит объяснила сыну, что с удовольствием бы оставила его у себя на обед, но поскольку вечером к ней приглашена большая компания друзей, то это, увы, невозможно.

Николя, весь в слезах, уже к шести часам вернулся к Вадиму. В 1983 году Бриджит попыталась объяснить, почему она отказалась от воспитания Николя, говоря, что была неспособна заботиться о себе самой, не то, что о ребенке.

По словам Бриджит, они с Николя пытались как-то наладить их отношения. «Когда он был маленьким ребенком, мне становилось немного не по себе при мысли, что я мать. Мне было не по себе от того, что происходило со мной. Материнство, пожалуй, удивило меня, но не принесло мне счастья».

Увы, идиллия длилась недолго, хотя Кристина Гуз-Реналь — кстати, крестная мальчика — отмечает, что случались моменты, когда Бриджит изо всех сил старалась быть образцовой матерью. Например, когда Николя исполнилось 18, могло показаться, будто Бриджит как бы заново хочет ввести его в свою жизнь, словно стремясь загладить свою вину, и заново открывает для себя сына. Она словно просила прощения, словно пыталась объяснить сыну, чтобы тот понял, какую жизнь она вела, как позволила закружить себя вихрю, который называла жизнью, как это все случилось с ней, когда она была в его возрасте, и как ей не хватило сил справиться со всем самой. Бриджит молила о прощении. И сын простил. Он сказал ей, что все понимает, и пусть она знает, что случись нечто подобное с ним, то и он наверняка бы не сумел с этим справиться… Слышать все это было очень горько».

Но так уж повелось, что Бриджит просто не в состоянии поддерживать отношения дольше, чем несколько месяцев. Спустя какое-то время она взялась за старое и вновь оттолкнула его от себя.

Мижану пытается выгородить сестру и спешит подчеркнуть, что одной из причин, почему Бриджит проявила к собственному ребенку такое вопиющее равнодушие, были те мучения, что ей пришлось вынести во время беременности.

Жак Шарье хотел, чтобы его сын был обыкновенным ребенком, таким как все, а не музейным экспонатом под названием «сын Бриджит Бардо». Бриджит поняла это и согласилась. Бриджит оказалась намного честнее многих женщин. Она честно призналась, что не в состоянии воспитывать Николя, и позволила заниматься этим Жаку. С ее стороны было бы просто нечестно самой заняться воспитанием сына. Я знаю немало женщин, у которых не хватает духу признаться, что мать из них не получилась, и, невзирая на это, они воспитывали своих детей, и дети заплатили за это слишком высокую цену».

Другие люди не столь склонны к прощению, некоторые даже высказывают предположение, будто конфликт проистекает из того факта, что по-французски «Б. Б.» произносится так же, как и «Bebe», то есть ребенок. То есть где-то в подсознании у нее засел вопрос, кто этот «bebe», если я считаюсь «Б. Б.»?

Николя изучал в парижском университете экономику, учился

игре на фортепьяно — он даже сочинял музыку и занимался аранжировкой, — а когда ему исполнилось 22, Пьер Карден пригласил его в качестве манекенщика. С такими родителями, как у него, стоит ли удивляться, что Николя, ростом за 180, весьма привлекательный мужчина.

Именно в те дни, когда Николя работал манекенщиком, он познакомился с норвежской девушкой, Анне-Лин Бьеркан, на полтора года его младше. Она была дочерью дипломата и тоже подрабатывала манекенщицей. Они поженились в 1984 году и вскоре переехали в Осло, чтобы он мог жить просто как Николя Шарье, не опасаясь, что в него начнут показывать пальцем, вот, мол, глядите, сын Бриджит Бардо.

Сейчас Николя занимается компьютерами. У них с женой две дочери. И хотя Анне-Лин общается к дочерям по-норвежски, между собой супруги разговаривают по-французски.

Бриджит помогла сыну с покупкой квартиры в Париже, да и в иных случаях, когда в том возникала необходимость, тоже старалась помочь.

Однако поскольку на протяжении долгих лет им недоставало взаимного понимания, неудивительно, что у обоих накопилось немало обид. Например, Бриджит глубоко оскорбилась, когда Николя, не сказав ей ни слова, женился и даже не счел нужным пригласить ее на свадьбу. Но, с другой стороны, Николя понимал, чем чревато подобное приглашение, а ему меньше всего хотелось, чтобы присутствие матери превратило его собственную свадьбу в цирк с участием журналистской братии. Так что, по крайней мере, в первые годы его женитьбы, контакты между матерью и сыном носили случайный характер.

Бардо не видела своей невестки вплоть до 1989 года. По ее словам, она ждала, чтобы инициатива исходила от Николя. Более того, Бриджит ничуть не кривила душой, когда жаловалась друзьям, будто Николя не хочет с ней знаться. «Он прячется от меня и от всего света у себя в Скандинавии». Ответ Николя был предельно краток: «Она любит своих котиков, а я люблю свою жену».

Через несколько лет, когда он послал ей фото своей первой дочери, Бриджит отослала снимок обратно.

Примирение матери с сыном, если это, конечно, можно считать таковым, состоялось в 1992 году, когда Бриджит и тот, кому суждено было стать ее четвертым мужем, прилетели в Осло.

По словам Бернара д'Ормаля, ему казалось, что мать с сыном должны ближе узнать друг друга, и поэтому он горячо поддержал идею этой поездки. Бриджит и Николя не виделись целых десять лет. И Бардо впервые увидела своих внучек. И все-таки, наверное,

это было примирение, потому что на следующий год Николя, Анне-Лин и две их дочери, Анна-Камилла и Теа-Жозефина, приехали погостить к Бриджит и Бернару в Базош.

Бриджит полагает, что кино отняло у нее лучшее, что в ней было, чтобы затем бросить это лучшее на широкий экран на потребу праздной публике. Ей ни разу не случалось взгрустнуть о том, что эти год позади. «Когда я переворачиваю в жизни очередную страницу, то это навсегда. Пока я ее не переверну, я не слишком об этом задумываюсь. Но стоит мне ее перевернуть, все, точка». Более того, говорят, будто однажды она произнесла следующую фразу: «Я никогда ни о чем не жалею. Бывает, я испытываю небольшое раскаяние, но жалеть о чем-то — никогда».

Глава 21
Вторая жизнь Бриджит Бардо

В 1973 году мир облетела сенсация. Бриджит Бардо, которой в ту пору исполнилось 39 лет, объявила о своем уходе из кинематографа. Причина — желание полностью посвятить себя борьбе за права животных. Многие восприняли эту новость скептически. В течение нескольких лет на имя актрисы продолжали поступать кипы сценариев из разных уголков планеты. Бриджит не прочла ни одного из них. Она ушла из кино с такой же неожиданной легкостью, с которой когда-то в нем появилась.

В тот день, когда я перестану быть на экране Бардо, — твердила она вот уже несколько лет подряд, — я соберу вещи, и только вы меня и видели.

Ее интерес к кино уже давно сошел на нет. Бардо до смерти устала вечно защищаться — от нападок прессы, от нахальных поклонников, от людей, которых она и в глаза не видела.

Как однажды сама Бриджит выразилась: «Люди часто видели меня не такой, какой я являюсь на самом деле. Например, они находят в моих фильмах то, чего там отродясь не было. Меня критикуют за то, что я подаю дурной пример молодежи: «Бардо аморальна» или же «У Бардо отсутствуют принципы». Но люди говорят не только о моих фильмах, но и о том, как я предпочитаю жить. И все равно, мне кажется, я честнее и откровеннее, чем многие из них. Конечно, я могла бы прожить мою жизнь так, как того хочется другим. Но, по-моему, все мы должны жить так, как считаем нужным, не брать в голову, что скажут посторонние люди. Это моя жизнь. И этим все сказано».

По словам Бриджит, это единственное, чего ей всегда хотелось. Но кинобизнес неизменно пытался диктовать ей свои правила.

В те дни, когда ее заработок превышал гонорары любых других звезд Франции, Бриджит с поразительной честностью заявила репортерам: «Прежде всего, я женщина, а потом актриса. Я не из тех, кто оживает только тогда, когда на них наведут камеру. Я живу в свободное от съемок время. Как актриса, я предпочитаю, чтобы режиссер руководил мною и хорошо знал свое дело. Мне это нравится. Некоторые почему-то считают, что непременно нужно состариться и превратиться в уродину, прежде чем они, наконец, расщедрятся на похвалу. Я же предпочитаю быть красивой и молодой и уж как-нибудь обойдусь и без их

похвал».

И вот теперь, после целого ряда неудач, Бриджит говорила что актерская профессия никогда не являлась смыслом ее жизни. Настало время уйти.

И она обратилась к тому единственному, кто мог помочь ей уйти красиво. В последний раз за всю свою кинокарьеру она обратилась к Роже Вадиму. Как бы то ни было, двадцати лет в кино с нее было достаточно.

Когда Бриджит 17 июня 1973 года официально объявила о своем решении, газеты преподнесли его так, будто, наконец, произошло нечто неизбежное.

«Да, я ухожу, — подтвердила Бриджит. — Не вижу причин делать из этого факта событие. Мир от этого не перевернется». Бриджит добавила, что, снявшись за 21 год в 48 картинах, она считает: с нее достаточно.

Ну а поскольку Бриджит не собиралась хлопать дверью, а наоборот, оставила ее слегка приоткрытой, многие были уверены, что через год-другой она еще вернется, если подвернется подходящий проект. И лишь двоим людям, тем, кто знал ее, как свои пять пальцев, было доподлинно известно, что Бриджит не кривила душой, говоря об уходе. Первым был Вадим. Второй — мама Ольга. Они слишком хорошо ее знали, чтобы усомниться в искренности ее решения.

— Не в ее привычках идти на попятную. Она никогда не меняет своих решений. На протяжении еще нескольких лет я продолжала получать для нее сценарии. И, как и раньше, я передавала их ей для ознакомления. Но она не заглянула ни в один из них. Для Бриджит-киноактрисы все было окончено. Но Бриджит Бардо-женщина была полна решимости начать все сначала.

В 1986 Бриджит открыла Фонд Бриджит Бардо для благополучия и защиты животных (англ. Brigitte Bardot Foundation for the Welfare and Protection of Animals). Она стала вегетарианкой и заработала 3 миллиона франков, продавая на аукционе драгоценности и личные вещи, чтобы поддержать фонд. Сейчас она — защитница животных и противник потребления конины. Находясь в Канаде, она осуждала охоту на тюленей и пыталась обсудить это со Стивеном Харпером, хотя ей отказали во встрече.

Она пожертвовала больше 140 000 долларов за два года для массовой стерилизации и усыновления бухарестских бездомных собак, которых насчитывалось около 300 000. Бардо приютила многих из этих собак в новом животном спасательном центре, который она построила на своей частной территории.

Глава 22
Бриджит против пастуха

Водно воскресенье, ставшее поворотным в создании своего фонда, Бриджит появилась у полуразрушенного дома всего за несколько минут до того, как это место оцепила полиция. Оно напоминало собой кровавое побоище. Бардо была в джинсах в обтяжку, футболке и кожаной куртке, с распущенными по плечам как и тридцать пять лет назад — белокурыми волосами, лицо спрятано за огромными стеклами солнечных очков. Рыдания сотрясали ее. Пастух, поселившийся в заброшенном доме среди руин замка Сен-Ам между Сен-Тропе и Раматюэллем, утверждал, будто соседи ночью втихаря выпустили пастись его стадо и несчастных животных растерзали собаки.

Однако это отнюдь не объясняло того, почему один ягненок утонул в небольшом водоеме. По соседству обнаружился растерзанный труп овцы. Бриджит заметила еще девять мертвых овец, сваленных в кучу друг на друга в кустах позади стены. И, в довершение ко всему, ей попалась на глаза прибитая к дереву голова козы.

Бриджит содрогнулась от ужаса, а затем набросилась с обвинениями на замызганного бородатого бомжа, — он-де варвар, кровавая бойня — его рук дело, он нарочно прикончил принадлежавших ему овец. Бродяга обитал среди развалин вот уже более года, обходясь без электричества, без воды и, судя по всему, живя впроголодь — как сам, так и его стадо. А вот теперь, в конце октября 1992 года, оставшиеся у него животные — 30 овец, 10 коз и ослик, которых он всех собрал в небольшой загон, — находились на последнем издыхании от голода. Бриджит продолжала обвинительную речь. Прибывшим на место происшествия жандармам ничего другого не оставалось, как только постараться не допустить рукоприкладства, поскольку страсти накалились до предела.

Вскоре по вызову полиции подоспел ветеринар, однако, осмотрев мертвых животных, он заявил, что не в состоянии определить причину их гибели. Бриджит с пеной у рта принялась доказывать, что причина гибели ясна как божий день — пастух пустил под нож собственное стадо. И теперь, не унималась Бриджит, долг полиции — арестовать его.

Когда же старший жандарм поинтересовался, согласна ли она подать официальный иск, Бриджит, не раздумывая, согласилась. Пастуха увезли на допрос.

Как только его увезли, Бриджит взялась за дело. Она доставила корм для оставшихся животных, собственноручно притащив из машины несколько охапок сена, и принялась нежно поглаживать тех из них, кто был слишком слаб и не мог самостоятельно есть. Немного позднее в тот же день — правда, лишь после того, как она убедилась, что животным ничего не грозит, — Бриджит отправилась в жандармерию и подала иск на несчастного пастуха. Кроме того, она велела своему адвокату, чтобы тот добился от суда формального постановления, что отныне животные переходят под ее опеку.

Правда, уже к вечеру полиция отпустила пастуха. По словам блюстителей порядка, у них не нашлось неопровержимых улик, чтобы выдвинуть против него обоснованное обвинение.

Бриджит сочла этот предлог неубедительным. Ну а поскольку жандармы уже не раз имели возможность на собственной шкуре испытать ее горячий нрав, им ничего не оставалось, как обвинить пастуха в нарушении общественного порядка, поскольку он якобы не сумел, как положено, то есть в 24 часа, известить власти о гибели животных.

Бриджит это тоже мало удовлетворило, и она, для пущей важности, решила воспользоваться своим громким именем. Бриджит растрезвонила об этом случае по всей стране, и сочувствующие ей люди приходили в ужас, что такое возможно и, главное, что полиция проявила такое преступное равнодушие, такую вопиющую апатию, словно позабыв о том, что такое справедливость. Через четыре дня бедняга-пастух был избит до полусмерти какими-то тремя типами в плащах, в руках у которых были бейсбольные биты.

Разумеется, ни у кого язык не повернулся утверждать, будто Бриджит каким-то образом причастна к этому избиению. Однако никто в Сен-Тропе не усомнился в том, что это ни что иное как reglement de comptes — что на гангстерском жаргоне означает «сведение счетов».

Однако Бриджит это было совсем ни к чему. Ей было глубоко наплевать на бедолагу-пастуха. Она болела душой исключительно за животных, не в силах смириться с той вопиющей жестокостью, которой стала свидетельницей, переживая, что все это может повториться опять. Бриджит отправила гневное послание на имя раматюэлльского мэра, в котором частично возлагала на него ответственность за то, что, как представитель власти, он не сумел предотвратить злодеяние. В свое оправдание мэр робко попенял на законодательство, где отсутствует соответствующая статья, которая позволяла бы изгонять бродяг с самовольно занимаемых ими домов.

Бриджит не позволяла замять эту историю. Кому-то она написала, другим — позвонила лично, чтобы ни у кого не осталось сомнений на тот счет, что ее возмущению нет предела. Она твердо решила идти до конца. Однако столкнувшись с равнодушием властей, Бардо вскоре ощутила собственное бессилие — как говорится, плетью обуха не перешибешь.

Примерно в 8 часов вечера, в субботу 14 ноября, ровно через две недели после кровавого побоища в Сен-Ам, Бриджит смешала свое обычное успокоительное со стаканом вина, а через несколько мгновений лишилась чувств.

Ее муж, который, кстати, являлся таковым всего как три месяца, вызвал скорую. Бриджит в срочном порядке доставили в клинику «Оазис», где ей было сделано промывание желудка. Как только жизнь ее была вне опасности, Бернар Д'Ормаль сделал заявление для прессы. По его словам, Бриджит страдала от крайнего переутомления, которое оказалось усугублено ее переживаниями по поводу массовой гибели животных. Д'Ормаль отрицал, что то была очередная попытка самоубийства. «Она хранит подобные вещи в себе, — замечает он, — копит до тех пор, пока ей становится невмоготу. А ведь это не может не отразиться на ее состоянии».

Глава 23
Бугрен-Дюбур

Бриджит продолжала защищать животных. Так, когда она отправилась в торосы спасать котиков, с ней познакомился Бугрен. Они нашли друг в дружке родственную душу, и когда Бриджит разошлась с Мирко, их дружба переросла в роман. Сила их совместных интересов была такова, что Бугрен-Дюбур — один из немногих бывших ее любовников, с которым она до сих пор поддерживает контакты.

Люди говорили, что она лишь затем взялась защищать животных, поскольку это привлекает к ней внимание со стороны прессы. Мол, она больше не снимается, и это — единственно доступный для нее способ оставаться в центре всеобщего внимания. В то же самое время ежедневно со всех уголков света к ней поступали просьбы об интервью. Ежедневно находились люди, которым было интересно узнать ее мнение. Но она всем без исключения отказывала. Вот так, она отказывалась от интервью, не желая, чтобы вокруг нее поднимали шумиху, и все равно находились те, кто утверждал, что она лишь потому защищает животных, чтобы избежать полного забвения.

Не будет преувеличением сказать, что, когда Бриджит и Бугрен-Дюбур познакомились, они обрели в лице друг друга надежную опору, способную помочь им обоим поднять свою деятельность по охране и защите животных на новый уровень. Бриджит помогала Алену войти во вкус этой деятельности. Он же, в свою очередь, сумел убедить ее, что если вы рассчитываете на успех, одной только личной увлеченности недостаточно.

По его словам, «Бриджит целиком отдавала себя любимому делу. В самом начале, стоило ей узнать об очередной жестокости, как ей казалось, что достаточно во всеуслышание заговорить об этом. Бардо полагала, что, сорвав завесу молчаний, она уже одним этим способна решить проблему. Она ненавидела изучать документы. Вся эта бумажная работа, весь этот сбор материалов нагоняли на нее скуку. С течением времени она усвоила для себя истину, что успеха невозможно добиться, не поработав как следует головой. Мало-помалу она досконально изучила все, что связано с проблемой охраны животных. И хотя Бриджит не утратила боевого духа, теперь ей стало понятно, что одними только истошными воплями и причитаниями по поводу творимых зверств делу не поможешь. Теперь она чаще пускает в ход имеющиеся у нее знания и опыт и пытается вступить в диалог.

Ну, а поскольку знаний и опыта ей теперь не занимать, она, наконец, сумела обрести ту уверенность в себе, которой ей страшно не хватало в бытность кинозвездой.

Стремясь убедить власти, что без поддержки свыше им никак не обойтись, Бриджит и Бугрен-Дюбур в октябре 1984 года отправились на прием к президенту Франции Франсуа Миттерану. При обычных обстоятельствах вряд ли бы кто-нибудь взял на себя смелость утверждать, что президент Французской республики примет активистку движения по защите прав животных с распростертыми объятиями. По крайней мере, раньше за ним такое не водилось. Но в данном случае не лишним оказалось то обстоятельство, что вышеупомянутая активистка приходилась старой подругой Кристины Гуз-Реналь, чья сестра Даниэль, в свою очередь, была не кем иной, как супругой президента. И все-таки истинная причина заключалась в том, что этой активисткой была сама Бриджит Бардо, и президент никак не мог ей отказать в личной встрече. В конце концов, она до сих пор, пожалуй, единственная во Франции, кому удается привлечь к своей персоне больше внимания со стороны прессы, чем то положено даже самому президенту.

Миттеран, со своей стороны, казалось, был искренне рад ее видеть и произвел на своих гостей впечатление личной заинтересованности в проблемах, связанных с правами животных. Бриджит с Бугрен-Дюбуром вручили ему перечень из 30 безотлагательных мер, которые, как они надеялись, он поможет воплотить в жизнь на благо и процветание наших четвероногих братьев, и Миттеран пообещал на досуге изучить этот документ.

Было видно, что президент ей симпатизирует. И не только потому, что Бриджит была дружна с его золовкой, но и потому, что для людей его поколения Бриджит навсегда осталась мифом.

Одновременно президент отдавал себе отчет в том, что любой шаг с его стороны во имя животных — а это, с точки зрения политика, жест совершенно нейтральный — навсегда свяжет его имя в глазах людей с именем Бардо. А если учесть ее популярность среди французов, то оказаться так или иначе с нею связанным — это мудрый политический ход, причем такой, что не повлечет за собой никаких осложнений.

Фотографии Бриджит, Миттерана и Бугрен-Дюбура на ступеньках Елисейского дворца облетели все до единой французские газеты. С тех пор пролетело более десяти лет, но ни одна из тридцати предложенных мер так до сих пор и не воплощена в жизнь.

Среди тех вещей, против которых были направлены их протесты, имелся и так называемый закон Вердюйи. Это типично

французский образчик законотворчества, первоначально задуманный ради удобства охотников на фазанов, и позволявший им, преследуя дичь, вторгаться в частные владения. Однако, поскольку данный закон был сформулирован довольно невнятно, охотники всех мастей полагали, что имеют право охотиться там, где им вздумается. И если такой охотник в пылу преследования нарушит границы ваших владений, вы не имеете права мешать ему, даже если присутствие постороннего лица вам неприятно.

В качестве классического довода против этого несуразного законодательного акта приводится случай, имевший место несколько лет назад неподалеку от Тулона, когда человек, не пожелавший пустить к себе охотников, стал жертвой их гнева и был убит.

Бардо на протяжении многих лет выступала против этого закона, и до сих пор, на пару с Бугрен-Дюбуром, она активно добивается его пересмотра. Как результат — они с Дюбуром постоянно получают в свой адрес угрозы и оскорбления со стороны любителей охоты. А однажды Бриджит в буквальном смысле оказалась взята на мушку охотничьего ружья.

В лесах, окружающих «Гарриг», когда-то водились кабаны, и однажды мимо ее дома, преследуя кабана, неслась компания охотников человек из пятнадцати. Бугрен-Дюбур тотчас выскочил из-за стола — они с Бриджит как раз обедали — и заявил, что намерен положить конец этому безобразию. Он догнал охотников и попытался остановить их. Однако те все как один оказались пьяны и предупредили его, что если он и дальше будет путаться у них под ногами, то пусть пеняет на себя.

Бриджит, испугавшись, что они и впрямь, того гляди, пристрелят Алена, позвонила в полицию, а затем также вступила в перепалку с охотниками, обзывая их кретинами. Кабан убежал — как на то надеялись Ален и Бриджит, — но стычка с охотниками вскоре переросла в крайне неприятную конфронтацию. 15 разгоряченных бугаев с ружьями наперевес вряд ли могли смириться с тем, что какой-то сопляк и его стареющая подружка-актриса осмелились указывать им, кого можно убивать, а кого нет. И все пятнадцать горячих голов были слишком пьяны, чтобы отстаивать свою правоту в устной форме.

Слава Богу, жандармы подоспели как раз вовремя. Но с их прибытием ситуация приняла совершенно неожиданный поворот. Жандармы предупредили Бриджит, что, увы, будут не в состоянии оказать ей сколько-нибудь существенную помощь, потому что среди 15 охотников обнаружилось несколько жандармов во главе с их начальником. «Страсти накалились до предела, — вспоминает Бугрен-Дюбур. — Мы простояли там битый час,

пытаясь хоть как-то вразумить их. Между прочим, налицо было явное нарушение существующих законодательных актов, ибо даже закон Вердюйи запрещает охотникам приближаться к жилым домам более чем на 150 метров. Но, слава Богу, в конечном итоге, все кончилось миром, и нарушители удалились».

Проблема пересмотра законодательства, как не раз на собственном опыте убеждалась Бриджит, упиралась в тот факт, что охота во Франции традиционно считается спортом. Более того, охотничий сезон продолжается семь месяцев в году, в то время как в большинстве других стран он ограничен примерно половиной этого времени.

Бриджит вскоре поняла, что в одиночку, и даже при поддержке такого преданного друга, как Бугрен-Дюбур, она просто не в состоянии пробить лбом стену, не имея за спиной авторитета общественной организации. И вот, спустя десять лет после неудачного опыта с первым фондом Бриджит Бардо, она вновь, засучив рукава, взялась за дело. Бриджит отдавала себе отчет в том, что найдется немало желающих посудачить по этому поводу, но теперь она была на десять лет старше и, как ей хотелось думать, на 10 лет мудрее. Для сбора средств в пользу нового фонда Бриджит Бардо актриса устроила самую шикарную в мире домашнюю барахолку.

Войдя в 1986 году в долю с ассоциацией в Сен-Тропе, она поставила себе целью собрать как минимум три миллиона франков — эта сумма, была оговорена французским законодательством для получения статуса бесприбыльной благотворительной организации. Бриджит в буквальном смысле опустошила подчистую все свои шкафы, собрав в одну кучу все, что, по ее мнению, могло найти своего покупателя, и устроила грандиозную распродажу.

Парижский аукцион «Адер-Пикар-Тажан» запланировал торги на 17 июня 1987 года. Первоначально они планировали использовать для этого два зала в «Нуво-Друо», где обычно проводятся подобные распродажи. Однако эта не имело себе равных. Интерес к ней был столь велик, что торги пришлось перенести в просторный зал Центра международных конгрессов. По иронии судьбы он располагался лишь в десяти минутах ходьбы от дома на площади Вьоле, где родилась Бриджит.

Стоило ей только в тот вечер переступить порог конференц-зала, как более тысячи человек, до отказа заполнившие помещение, словно по команде поднялись со своих мест и встретили ее аплодисментами.

На аукцион было выставлено 116 лотов. Они включали: книги, фотографии, литографии работ Корзу, Сезара, Шагала,

Клаве, Дали, Финн и Фолона; акварели Клаве и Лорансено; гуаши, рисунки, картины, скульптура Армана и Аслана, а именно ее бюст в образе Марианны; ее костюмы из «Шалако», «Женщины и паяца» и «Ромового бульвара», а также ее свадебный наряд, в котором она венчалась с Вадимом; различные личные вещи, такие, как, например, хрустальные бокалы для шампанского, набор косметики, гитара, игральный автомат, ювелирные изделия, в том числе, трехцветные браслеты от Картье, которые Гюнтер Закс заказал для нее в качестве свадебного подарка, и кольцо с бриллиантом в 8,7 карат, которое он подарил ей на десятую годовщину их развода.

Кольцо было продано за один миллион триста тысяч франков, то есть за чуть меньшую сумму, чем та, которую Вадим затратил на съемки картины «И Бог создал женщину».

Глава 24
Благодетельница

Бриджит перевела свою защиту животных в Париж, ведь к этому времени ее детище выросло настолько, что им уже нельзя было управлять из-за кухонного стола. Сегодня ее фонд может похвастаться, что насчитывает 27 тысяч членов в 42 странах мира, включая США, Англию и Германию.

Философия Бардо проста — облегчить страдания животных, где в том есть необходимость. А когда Бриджит берется за дело, то для нее не существует разницы, идет ли речь о тысячах животных или считанных единицах. Главное для нее — животные как таковые.

Когда в Южной Африке избиение грозило 30 тысячам котиков, Бриджит написала лично президенту ЮАР Ф. В. де Клерку с просьбой позволить ей выкупить всех их сразу. Именно ее личное вмешательство заставило южноафриканское правительство призадуматься, насколько оправданно грядущее избиение, и в конечном итоге власти запретили этот жестокий промысел.

Узнав, что власти Тулузы дали разрешение на проведение в их городе родео, Бриджит тотчас обратилась к мэру с петицией, призывая его не допустить подобного зрелища.

«Родео, — писала она, — для Соединенных Штатов то же самое, что коррида для Европы. Это смехотворная и постыдная эксплуатация несчастных животных, которая не делает чести ни тем, кто ее смотрит, ни тем, кто в этой клоунаде участвует».

Когда две беременных самки дельфина погибли в неволе из-за инфекции печени, Бриджит тотчас воспользовалась этой информацией, чтобы гневно заклеймить содержание дельфинов в неволе ради устройства разного рода представлений на потребу публики.

«Отлов дельфинов, страдания животных, которые обычно влечет за собой содержание их в неволе, — всему этому раз и навсегда следует положить конец. Заточение в неволю невинных чувствительных животных с тем, чтобы на них затем глазела горстка зрителей, есть не что иное, как вопиющее безобразие, которое мы не в праве терпеть дальше».

Когда Бриджит стало известно, что отель «Бич-комбер» в Нумее, Новая Каледония, решил устроить гигантский аквариум с десятком дельфинов, она тотчас обрушилась на его администрацию, подчеркивая, что считает варварской саму идею

запустить этих животных в аквариум.

Надеясь на поддержку и понимание министра окружающей среды Мишеля Барнье, фонд тотчас ринулся в бой, добиваясь, чтобы были задействованы соответствующие французские законы, которые поставили бы крест на планах администрации. Правда, Барнье поначалу было заартачился, заявив, что французские законы по охране животных не распространяются на заморские владения метрополии, однако он явно недооценил ее решимость.

Бриджит напомнила ему, что согласно подписанным Францией международным договорам — а это касается и ее заморских владений — отлов дельфинов разрешен только в научных целях.

Благодаря вмешательству фонда власти Новой Каледонии смогли на основании этих договоров отозвать разрешение на деятельность фирмы под названием «В поисках дельфина», которая намеревалась вести отлов дельфинов для гостиничного аквариума.

Французское правительство записало эту победу целиком и полностью на свой счет.

Однако в глазах Бриджит то был не более чем первый шаг, и она надеялась заручиться поддержкой общественности, чтобы прекратить сооружение самого аквариума.

Когда Бардо стало известно, что какие-то ловкие дельцы сумели провезти во Францию пантеру, и теперь животное сидит в клетке в каком-то ресторане, фонд встал на ее защиту. Однако оказалось, что пантере уже вырвали когти, а, значит, ей уже никогда не выжить на свободе, и поэтому фонд взял заботу о бедном животном на себя и опекал пантеру до конца ее дней.

Когда какой-то человек на юге Франции запер собаку в чулане, а затем загнал ей в морду гвоздь, чтобы она не лаяла, Бардо не только пришла на спасение несчастному животному, но и добилась вынесения судебного приговора на основании статьи о жестоком обращении с животными — впервые, кстати, примененной при подобных обстоятельствах.

Когда ей стало известно о том, что аргентинский приморский курорт Мар дель Плата планирует прогнать по улицам быков в подражание знаменитой фиесте в испанской Памплоне, Бардо обратилась лично к президенту Карлосу Менему, призывая его не допустить проведения «архаичного и жестокого шоу».

Когда французские фермеры прошли маршем по Елисейским полям в знак протеста против маастрихтских соглашений, ведя на поводке кур, представители фонда тоже вышли на улицы, чтобы избавить кур от жестокого обращения фермеров.

Когда в одном из магазинов Бриджит наткнулась на корову —

исполнительницу представления в рождественском вертепе, — она тотчас ее выкупила и на машине отвезла в «Гарриг».

Когда один французский журнал опубликовал материал о том, что-де треть всех кошек в стране заражены вирусом СПИДа — легко представить себе, какая после этого поднялась паника. Владельцы котов сотнями выбрасывали на улицу бывших своих любимцев. Недолго думая, Бриджит, объединив свои силы с другими организациями по защите животных, подала на журнал в суд. Однако судьи не нашли в действиях редактора состава преступления. И тогда группа активистов обратилась непосредственно к издателям с просьбой предоставить им такую же полосу для ответной статьи. Те отказались это сделать. И тогда Бриджит, взяв это дело в свои руки, обратилась в журнал «Жур де Франс», предложив следующую сделку — сеанс фотопозирования в обмен на статью. Бриджит появилась на обложке этого издания с кошкой в руках, а в середине журнала была напечатана статья о том, что кошки не являются переносчиками СПИДа.

Когда учащиеся одной католической школы в Париже, что по соседству со старым представительством фонда на улице Франклина, отмечали то, что они называли своей ежегодной традицией, кидаясь в лицо друг дружке живыми птицами, сотрудники фонда тотчас поспешили положить конец этому безобразию. Как ни странно, их замечания приняли в штыки не только учащиеся, но и учителя. Правда, достаточно только было появиться прессе, желавшей рассказать миру, какие, однако, «шалости» позволяют святые отцы своим подопечным, как этот нелепый разгул прекратился. И ежегодная традиция навсегда была запрещена.

Когда в штате Нью-Джерси к смертной казни был приговорен огромный пес, покусавший ребенка, Бриджит направила прошение на имя губернатора Джима Флорио с просьбой о помиловании животного. Она была готова даже лично приехать и забрать животное, если ему будет сохранена жизнь. Участие, проявленное ею к судьбе пса, сыграло на руку американским активистам движения по защите животных, и в 1993 году «собачий вопрос» стал стержнем избирательной компании. Кристи Уитман нанес поражение Флорио, и виновника преступления пощадили.

Когда же во Франции закрылся один знаменитый зоопарк, Бриджит на средства фонда выкупила животных и разместила их в парках, где они могли вести жизнь, максимально приближенную к, естественной.

Только в мае 1989 года во Франции вышло в эфир около

десяти специальных телепрограмм, сделанных Бардо для и от имени фонда. Бриджит открыла эту серию передачей «Спасем слонов!», в которой вскрывались нелицеприятные факты, связанные с добычей слоновой кости. Бриджит даже решилась предстать перед камерой — она бы ни за что не стала этого делать при других обстоятельствах, — чтобы подготовить серию телепередач, в которых бы не было расшаркивания перед большой политикой. В программе «Спасем слонов!» она заставила французов взглянуть на леденящие душу кадры, снятые во время кровавой охоты на серых гигантов в Африке. Благодаря, в первую очередь, ее усилиям Франция стала первой страной в Европе, запретившей ввоз слоновой кости.

За передачей о слонах вскоре последовала серия других под общим заголовком «Спасем!», в которых шла речь об опытах над животными, охоте, бойнях, незаконной торговле животными, о печальной участи морских млекопитающих, о корриде и собачьих боях, лошадях и человекообразных обезьянах. Бриджит никогда не смягчала краски. Большинство показанных ею кадров просто шокируют. Бардо заставила своих соотечественников осознать, каким мучениям подвергаются животные.

В одной из своих программ Бриджит даже выступила с поистине сенсационным заявлением, обратив внимание французов на тот факт, что ежегодно в стране пропадает около 60 тысяч собак, причем половина из них бывает украдена у хозяев для дальнейшего использования в медицинских опытах.

Частично благодаря ее настойчивости 20 человек были арестованы и предстали перед судом по обвинению в краже нескольких тысяч собак, которых они затем перепродавали в медицинские лаборатории для вивисекции. На скамье подсудимых, помимо всех прочих, оказался один университетский профессор, два ветеринара и шайка бандитов. Один из посредников, осуществлявших контакты с бандитами, признался, что одной только лаборатории на юго-западе Франция продал 5 тысяч собак.

От собак Бриджит перешла к медведям, обратившись с петицией к правительству КНР положить конец выращиванию в неволе черных азиатских медведей ради их желчи, которая является основой китайской медицины. Прибегнув, в который раз, к своему излюбленному приему «открытого письма», Бриджит напомнила китайскому лидеру Цзянь Цзэминю, что эти медведи, кстати, занесены в Красную книгу как исчезающий вид, выращиваются в Китае на 36 фермах в ужасающих условиях. Бриджит подчеркивала, что животные содержатся в тесных клетках, а в желчный пузырь им введен катетер, при помощи

которого из их организма откачивается желчь.

Позднее Бриджит повела атаку на мэров французских городов, добиваясь от них принятия налога на содержание собак и кошек. По ее мнению, подобная мера могла бы сократить число «избыточных» четвероногих любимцев, а затем взялась за корриду и петушиные бои, требуя полного их запрета. Следующим пунктом ее программы стало создание специальных зон для животных в парках, стерилизация бездомных кошек и раздача специальных гранул городским голубям — смешанное с кормом, это средство вызывало у птиц бесплодие и вело к резкому сокращению их числа.

Бриджит отдает себе отчет в том, что она и ее фонд ввязались в настоящую битву и что шансы на победу не столь велики, гораздо чаще им приходится познавать горечь поражения. Но это ей не помеха. Она знает, что всякий раз, когда протестует против корриды в Испании. Она убеждена, что просто обязана сделать первый шаг. Бриджит твердо уверена в том, что, как, например, в случае с корридой, и в Испании найдется не один десяток людей, разделяющих ее мнение, но лишенных возможности во всеуслышание заявить о своем несогласии с устаревшими обычаями. Когда же они видят, что у нее хватает смелости заговорить, это вселяет мужество и в них самих, хотя до этого они не осмеливались подать голос.

Порой же ей случается одерживать победу там, где она того менее всего ожидала.

К ее собственному удивлению, ей совсем недавно удалось положить конец одному древнему обычаю в Испании, когда священники во время праздника влезают на верхушки колоколен и затем оттуда на землю сбрасывают живых коз. Пусть это всего лишь незначительная уступка, но теперь животных ловят в сети, не давая им разбиться о землю.

Когда ее собственный пес по кличке Дус заболел, и ветеринар сказал, что животное не протянет до утра, Бриджит просидела возле любимца всю ночь и даже заключила нечто вроде сделки с Богом — кстати, Бриджит нередко прибегает к подобной практике, — пообещав, что если собака выживет, она не выкурит ни единой сигареты и не возьмет в рот ни капли алкоголя. «Дус» протянул еще пять недель, и все это время Бриджит оставалась верна данному слову.

Одна очень странная женщина по имени Франсуаза Капбланк-Бег содержала неподалеку от Парижа в деревне Муро приют для животных. Это было весьма необычное заведение, основанное на довольно сомнительной философии: животные в нем не знали никаких клеток и им позволяли свободно

размножаться. В приюте не было ни водопровода, ни электричества. Животные питались остатками пищи, которые их владелица собирала по ресторанам, школам и столовым. Все животные до единого были грязны, не получали никакой медицинской помощи и, тем не менее, окружены теплом и заботой.

Эту женщину вечно ругали все общества защиты животных вместе взятые, однако ее преданность четвероногим нашим братьям — кошкам и собакам, — то, что она позволила им жить, не навязывая им никаких выдуманных людьми правил, — заставляло других прислушаться к ее мнению. Один из французских телеканалов решил сделать о ней небольшую передачу, чтобы дать ей возможность открыто высказать свои убеждения. Кто-то заранее оповестил ее об этом, и Капбланк-Бег пришла в такой восторг и так растрогалась, что с ней случился сердечный приступ, и она тут же скончалась. Всего в каких-то сорок шесть лет, положив все физические и душевные силы на создание приюта для животных, она была уже ходячей развалиной.

Для деревни этот приют всегда оставался бельмом на глазу, и теперь, когда его хозяйки не стало, односельчане тотчас прибрали к рукам небольшой участок земли и объявили, что если у животных не объявится новый хозяин, всех их усыпят. Это был тот классический образец стопроцентной жестокости и бессердечия, узнав о котором, Бриджит никак не могла остаться в стороне.

Вместе с сотрудниками фонда, а это более десятка человек из тех, кто работал в Париже, она тотчас, засучив рукава, взялась за дело. Во-первых, фонд вступил в переговоры с местными властями, добиваясь передачи всех животных в свои руки. Как только цель была достигнута — то есть, добившись гарантии, что ни одно животное не погибнет, — Бриджит и ее помощники принялись решать, что с ними делать.

Фонд с самого начала замысливался отнюдь не как придаток «Общества по предотвращению жестокости по отношению к животным». В большинстве стран, в том числе и Франции, существует давно устоявшаяся инфраструктура для подобных начинаний и организаций, в равной мере способных взять на себя заботу о животных.

Бриджит же представляла для себя фонд в качестве этакого зонтика, в качестве ассоциации, способной, в частности, влиять на законодательство и оказывать поддержку тем организациям, что располагают всеми необходимыми условиями для гуманного содержания животных. Однако история Капбланк-Бег ее так

растрогала — хотя они ни разу не встречались, — что Бриджит никак не могла взять на себя грех и позволить властям умертвить животных. Поскольку их так и не удалось никуда пристроить, фонд, по распоряжению Бриджит, приобрел в Нормандии старый дом с просторным участком, где этим животным был бы обеспечен неплохой присмотр и где бы они могли счастливо прожить остаток своих дней.

Спасение нескольких сотен кошек и собак прошло довольно гладко. Спасти 80 волков, незаконно вывезенных в Венгрию, оказалось гораздо сложнее.

Бриджит дала интервью для венгерского телевидения, в котором рассказала о своей работе с животными, и это навело мэра Будапешта на мысль обратиться к ней. Мэр рассказал, что в его страну из Монголии было незаконно вывезено 80 волков, которым уготована печальная участь стать жертвами торговцев мехами. Полиция конфисковала животных, но город не знал, куда их теперь девать. По его словам, мэр уповал теперь на помощь Бриджит, а иначе животных придется уничтожить. И снова Бриджит ринулась в бой.

Разумеется, она согласилась помочь. Но сказать «да» и оказать реальную помощь — это две совершенно разные вещи, ведь последнее требует времени, усилий и огромных денег. Фонду понадобилось около трех месяцев только на то, чтобы преодолеть всяческие бюрократические препоны, не позволявшие переправить 80 волков через несколько европейских границ. Бардо и ее помощникам пришлось иметь дело с пятью различными законодательствами, заполнить пять папок разного рода документов. Сегодня эти 80 волков и их потомство живут на свободе в парке-заповеднике Жеводан, что возле Лозера во Франции.

Решив в один прекрасный день избавиться от ненужного барахла в чуланах, Бриджит в одно воскресное утро заняла место за прилавком на местном рынке. Стоя босиком, она бойко распродавала платья, шали, халаты, велосипед, а также подписывала открытки. Вырученные деньги поступили прямиком на счет ее фонда. Опыт оказался настолько удачным, что Бриджит открыла магазин. Она подыскала магазинчик на приморском бульваре, сняла его на пару сезонов, набила его товаром и продавала туристам сувениры своего фонда. Как в свое время она говаривала Вадиму, маленькой выгоды просто не существует.

Глава 25
Война с мехом

Не секрет, что Бардо когда-то носила меха. Правда, это было так давно, что неудобно даже вспоминать об этом. Она отказалась от шуб, как только поняла, на какие страдания и муки обрекает животных меховой промысел, и с тех пор ни разу не надела ничего из натурального меха.

Пример Бриджит Бардо оказался заразительным — нашлись французские подростки, которые сумели убедить своих матерей отказаться носить меха. Бриджит удалось, одной только силой своих убеждений, превратить меховое манто из символа общественного положения в политическую категорию.

«Любой, кто носит меха, — категорично заявляет Бардо, — таскает на плечах целое кладбище».

Бриджит также не осталась в стороне и попыталась прекратить так называемый «палио» — древний обычай, согласно которому вот уже более восьмисот лет по мощеным булыжником улицам Сиены гонят лошадей. Эти бега неизменно заканчиваются серьезными травмами животных, а частенько и их гибелью.

Точно так же Бриджит не осталась в стороне и сочла «своим прямым долгом вмешаться и любым способом сорвать так называемую традиционную охоту на голубей во французской провинции Медок.

Каждый год в течение трех недель птицы возвращаются из Северной Африки на родные гнездовья выводить потомство, и, невзирая на то, что охотничий сезон официально давно окончен, на холмах Медока выстраиваются, словно пехотный полк, до тысячи людей с ружьями. Они с азартом палят по пролетающим у них над головами птицам, в результате чего ежегодно погибает около тридцати тысяч голубей.

Бриджит при первой же возможности спешит в Медок и всеми правдами и неправдами пытается остановить стрелков. И хотя для ее безопасности, как правило, присылают жандармов — ведь каждый год ей приходится слышать в свой адрес угрозы, — однако правительство не решается применить против охотников силу.

Сила ее имени такова, что к Бриджит не раз поступали просьбы со всего мира оказать поддержку тому или иному начинанию. Однажды к ней обратились из Уругвая с просьбой принять участие в акции в поддержку прав меньших наших братьев, направленной против истязания подопытных животных в

лабораториях Медицинской школы при Национальном университете. Бриджит тотчас откликнулась на этот зов.

В другой раз ей написали активисты из России, рассказав о массовом истреблении котиков на севере страны. Бриджит обратилась с посланием лично к президенту (тогда это был Борис Ельцин). Она писала о котиковых фермах в Койде, к северу от Архангельска, на побережье Белого моря, где молодняк содержался на привязи, пока не наступала пора их убивать.

Как ни странно, но это послание каким-то чудом преодолело железный занавес — после падения коммунистического блока в Восточной Европе на Бриджит обрушилась целая лавина писем, в которых, среди всего прочего, рассказывалось об ужасающих условиях содержания животных, например, в московском и белградском зоопарках. По мнению Бриджит, одна она была бессильна что-либо изменить, однако сочла своим долгом написать и, по крайней мере, попытаться расшевелить группы активистов на местах, а также тамошних политиков.

С другой стороны, Бриджит не побоялась встать на защиту красного тунца. Ей сообщили, что ежегодно в Средиземное море захотят японские и южно-корейские суда и длинными сетями, которые тянутся буквально на несколько морских миль, по-браконьерски загребают морские богатства. А поскольку подобные действия есть не что иное, как грубейшее нарушение принятых Европейским Сообществом законов, Бриджит привлекла к ним внимание брюссельских законодателей и потребовала принятия срочных мер.

Бриджит уже не впервой вступать в поединок с японцами.

Бриджит не боится обращаться к власти со своими требованиями. Если ей что-то нужно, она не отступится, пока не доконает вас. Она, как бульдозер, идет напролом. Диву даешься, откуда у нее столько упорства. Она будет капать вам на мозги, пока не добьется своего. А политики этого не любят. Одно дело, когда правительство расточает хвалебные речи в адрес какого-нибудь фонда, что носит знаменитое имя, и совсем другое — реальная помощь. Однако Бриджит равнодушна к этим славословиям. Она всегда говорит то, что думает, и не робеет ни перед кем. Она разговаривает с политиками и министрами точно так же, как она говорит с любым другим человеком, а им это не по вкусу. Как мне кажется, это объясняется тем, что в глубине души она ранимая натура и принимает все слишком близко к сердцу. Она настолько серьезно относится к любимому делу, что не желает, чтобы кто-то другой ей мешал. Однако не забывайте, что все это она делает не для себя, а исключительно ради животных.

Мижану согласна, что решительность ее сестры, стоит той только взяться за дело, порой не знает границ. Она готова с кулаками отстаивать свои убеждения. Когда она видит жестокость по отношению к животным, она очертя голову бросается в бой и готова вести за собой целый мир. Она знает обо всем не понаслышке, каждый день сталкиваясь с теми или иными проявлениями жестокости к животным, и не боится взглянуть правде в глаза. Я знаю, какие чувства она при этом испытывает, потому что иногда по ночам, когда она одна, она звонит мне, чтобы излить душу. Так что кому, как не мне, знать, как глубоко она переживает.

Ради избранного дела Бриджит готова бесстрашно столкнуться с кем угодно — с медицинскими лабораториями, политиками, правительствами, ей все равно, что станет у нее на пути. Она не боится, если ей самой при этом расквасят нос. Ведь она берется за то, во что свято верит.

Изменить общественное мнение не так-то легко. Бриджит делает также много такого, что не сразу бросается в глаза. Была у нее одна знакомая старушка, которая держала полный дом собак и кошек, так вот несколько лет назад она умерла незадолго до Рождества, и Бриджит взяла всех ее питомцев себе и отвезла в Базош. Она не любит говорить об этом, но когда у фонда не хватает средств, а тут как раз наклевывается очередной проект, тогда Бриджит платит за все из своего кармана. Она делает вид, будто ей все по плечу. Но это лишь для того, чтобы никто не заподозрил ее в слабости.

Для Бриджит в наши дни каждый новый день приносит все новые печальные известия. «Порой это невыносимо, — признается она. — Я только и делаю, что сражаюсь, а сдвигов почти не видно. Наоборот, кажется, будто все вокруг становится все хуже и хуже. Может, если я буду сражаться и дальше, насколько хватит сил, кто-то затем придет мне на смену, тот, кому удастся чего-то достигнуть. Мне бы хотелось оставить в наследство людям мой фонд. И если завтра я попаду под автобус, то, смею надеяться, что моя работа на благо животных и на благо фонда не будет забыта».

Некоторые люди полагают, что пройдет какое-то время, и именно этим она увековечит свое имя — не как кинозвезда, чье имя прогремело на весь мир в ее первой жизни, а благодаря той деятельности, которой она посвятила свою вторую жизнь.

Глава 26
Еще раз замуж

16 августа 1992 года после скромной церковной церемонии, когда они обменялись брачным обетом, Бриджит Бардо превратилась в мадам Д'Ормаль.

Новый супруг, который был по счету уже четвертым, родился в городе Марсель в 1941 году. Полное имя супруга Бардо, ныне мадам Д'Ормаль, Бернар ди Кьяра Д'Ормаль. Все свои детские годы он провел, переезжая с места на место, сначала он жил в Париже, а затем его на какое-то время занесло аж в Южную Америку.

В начале шестидесятых — жизнь тогда забросила его во французскую часть Африки — он пытался сделать деньги на экспортно-импортных сделках и как-то раз застрял в либерийской столице Монровии, где в течение восьми дней никак не мог попасть на самолет.

То было кошмарное место, где он не знал, чем ему заняться — разве что ошиваться без дела в баре отеля, и тут однажды вечером ему подвернулся один ливанец, который также пытался вырваться из Монровии. Они разговорились, и этот тип — кстати, какое-то время он жил в Бразилии, — рассказал Бернару, что у него вроде бы как есть интерес в кинобизнесе. Бернар поинтересовался подробностями и тогда ливанец объяснил ему, что владеет правами на черно-белый фильм о бразильской футбольной знаменитости Пеле.

Поскольку Бразилия уже за несколько лет до этого выиграла кубок мира по футболу, Пеле, вполне возможно, был самым прославленным из спортсменов. Однако изюминка этой ленты заключалась в том, продолжал ливанец, что в ней рассказывалось о Пеле, когда будущей звезде футбола было лет 13–14.

Д'Ормаль немного поразмыслил и решил про себя, что вполне бы мог крутить этот фильм по всей Африке. И вот в баре отеля в центральной части Монровии, застряв там, пока, наконец, не возобновятся рейсы в Европу, Д'Ормаль купил у ливанца права на картину.

На протяжении года или что-то около этого Д'Ормаль разъезжал по Африке, продавая ленту прокатчикам, и сумел положить себе на этом в карман вполне приличный по тем временам доход в 21 с половиной тысячу фунтов.

Вернувшись в начале семидесятых годов в Африку, Д'Ормаль получил от одного своего приятеля приглашение испытать

счастья в Южных Морях, выращивая на продажу черный жемчуг. Однако, взвесив все за и против, Д'Ормаль решил, что неплохо устроился в кинопрокате — а этот бизнес, надо сказать, позволял делать неплохой навар — и, вообще, Тихий океан далеко, а вот одна знакомая в Париже — гораздо ближе. Так что еще раз, все хорошенько взвесив, Д'Ормаль решил, что нечего искушать судьбу, и остался в Африке.

Разумеется, это в некотором роде история о том, что близок локоть, да не укусишь. Приятель Д'Ормалья отправился за тридевять земель, имея в кармане всего 5 франков, и уже через несколько лет продал свое дело за 5 миллионов.

Десять лет спустя он решил приобрести одну из французских киностудий. Д'Ормалю удалось собрать 25 миллионов долларов, причем половину этой суммы он сколотил в странах Персидского залива, главным образом, Саудовской Аравии и Эмиратах, а вторую наскреб в Штатах. Кроме того, ему удалось разжиться заемными обязательствами администрации города Ниццы и всеми необходимыми для начала строительства бумагами, которые давали ему право модернизировать студию, и таким образом, сделать ее конкурентоспособной. Все, казалось бы, шло на лад — по крайней мере, до мая 1981 года. В этом году французы избрали своим президентом социалиста Франсуа Миттерана, а Миттеран, в свою очередь, сдержал предвыборные обещания и ввел в состав кабинета четырех коммунистов.

Это был конец всему. Как только американцам стало известно, что коммунисты получили четыре министерских портфеля, они тотчас пошли на попятную и изъяли свои капиталы, а вскоре их примеру последовали и другие инвесторы.

7 июля 1992 года один его приятель, адвокат из Сен-Тропе Жан-Луи Бугюро, пригласил его к себе на обед. Дело было дождливым воскресным вечером, и, по крайней мере, одна из гостей чуть было не пришла. Это была знакомая и одновременно клиентка Бугюро, а значит, местная жительница, которая сначала сказала нет, не хочется ей ни в какие гости, а затем передумала и сказала, что придет. Но в последний момент ей вновь расхотелось. Но в итоге Бриджит все-таки пришла, и в тот вечер Бернар Д'Ормаль, — который всю жизнь проходил в холостяках — понял, что в его жизни назревают какие-то важные перемены.

В конце вечера он подошел к Бриджит и вежливо поинтересовался, можно ли ему ее поцеловать. Они начали встречаться, и через два месяца в один прекрасный день им на глаза попалась маленькая церквушка в конце фиорда, затерянная среди угрюмого норвежского пейзажа, но уже в то дождливое воскресенье они точно знали, чего им хочется.

После церемонии жених с невестой пригласили священника и обоих свидетелей отпраздновать вместе с ними это событие в небольшом деревенском ресторанчике. Они не сочли нужным делать какие-либо официальные заявления, поскольку этот брак не имел ровным счетом никакого отношения к официальным заявлениям. Это было их сугубо личное дело — полное романтики и никого не касавшееся.

Пресса оставалась в неведении относительно происшедшего до 20 сентября, когда Бардо под руку с Д'Ормалем появилась в Сен-Тропе на избирательном участке, чтобы принять участие в референдуме по мастрихтскому соглашению. Бардо вскользь обмолвилась друзьям, что они с Д'Ормалем недавно поженились. На следующий день эта новость перекочевала на первые полосы газет.

Глава 27
Еще немного о Бриджит…

Она больше не путешествует. Но, с другой стороны, она и раньше не была особой любительницей и всякий раз, уезжая куда-то, с радостью возвращалась домой. На протяжении семи лет ее уединения от мира, те немногие из людей, с кем Бардо продолжала общаться, поняли, что она, наконец, взрослеет и, среди всего прочего, постепенно открывает для себя одну из важнейших человеческих добродетелей — терпение.

Среди тех, кто так считает, — Мижану. Она уверена, что Бриджит что в душе — сельская жительница. Ей нравятся незамысловатые вещи. Она обожает все в крестьянском стиле. И не любит пускать пыль в глаза. Если Бриджит что-то делает, то лишь потому, что ей это нравится. Она поступала так всю свою жизнь, но люди отказывались ей верить. Им казалось, что когда она начала носить платья в клеточку, то лишь для того, чтобы создать на них моду. Нет, такое не в ее привычках. Бриджит нарядилась в платья в клеточку лишь потому, что сельские женщины носили их и сто лет назад. После той жизни, которую ей приходилось вести, и которая была ей ненавистна, она вернулась к природе, потому что именно к ней лежит ее душа. Это то, что ей по-настоящему дорого. Это то, в чем сама она.

Во время французских региональных выборов в марте 1992 года Д'Ормаль помогал в организации личного офиса Жан-Мари Ле Пена в Ницце. Ле Пен — противоречивая фигура, лидер крайних правых в лице так называемого «Национального Фронта».

Бриджит же никогда не интересовалась политикой. Ей безразличны политические деятели, а их взгляды — и подавно. Бернар — большой любитель пускаться в политические дискуссии, но только не Бриджит. Однажды, будучи приглашенной на небольшой скромный обед к соседям, Бриджит не выдержала и заранее позвонила, чтобы предупредить их: «Только прошу вас, никаких разговоров о политике». Пока беседа не касалась политических тем, рассказывают ее соседи, она просидела за столом, словно девчонка-подросток, держа мужа за руку, и буквально смотрела ему в рот.

По правде говоря, случались и исключения из правил, когда Бриджит оказывалась куда менее аполитична, нежели на словах. В 1974 году она поддержала избирательную кампанию Валери Жискар Д'Эстена и даже расхаживала по Сен-Тропе в футболке с

надписью «Жискара в президенты». В целом она была о нем высокого мнения, хотя неизменно критиковала за пристрастие к охоте. При каждой встрече она заводила старый разговор о том, что-де пора прекратить эту бесчеловечную забаву. При первом же удобном случае она считала своим долгом напомнить ему, что это не только низменное занятие само по себе, но и дурной пример для подрастающего поколения. Бриджит не стеснялась высказывать все, что думает.

Тем не менее, все политики в любые годы оказывали ей знаки внимания — собственно говоря, то была цена за право быть сфотографированным с нею рядом, — поскольку многие из них, в особенности пришедшее к власти поколение, выросшее на фильмах с ее участием, все еще воспринимало ее как Б. Б. Стоит ли говорить, что она не упускала случая, чтобы высказать им все, что думает. Им тотчас давалось понять, — причем прямым текстом, — что она — Бриджит Бардо и поэтому здесь хозяйка, и единственное, о чем она намерена вести с ними разговор, — это о благоденствии животных.

Не секрет, что политики от этого не в восторге, ведь Бардо порой ставит их в щекотливое положение. Она срывает с них маски, причем, ей совершенно безразлично, какая партия находится сейчас у власти. Она донимает их. Сначала она заманивает их в сети Б. Б., а затем, обнажив шпагу, бросается в поединок уже как Бриджит Бардо.

Как и другие выдающиеся личности во Франции, Бриджит удостоилась ордена Почетного Легиона. Выдвинула ее на эту награду Кристина Гуз-Реналь. И даже если это событие и имело какую-то политическую окраску, Бриджит, казалось, была несказанно рада оказанной ей чести. Ведь, в конце концов, Бриджит до мозга костей француженка, а орден Почетного Легиона — это типично французская награда, квинтэссенция французского духа.

Полученное ею воспитание можно скорее отнести к правому крылу политического спектра. Консервативному или республиканскому. Это было частью ее буржуазного окружения в семье. Именно в такой обстановке она выросла. Но сама она чужда политики. Когда Франсуа Миттеран помогает ей в деятельности ее фонда, она сторонница Франсуа Миттерана. Когда то же самое делает Жак Ширак или Валери Жискар Д'Эстен, она сторонница их обоих. Но истина заключается в том, что у нее отсутствуют твердые политические убеждения.

Заключение

Сегодня Бриджит признается, что подавлена своей известностью, что считает себя «страшной», что и в разгаре карьеры ей было сложно выходить из дома, так как она боялась не оправдать ожиданий людей и показаться не такой красивой, как они думали. Но ее талант и красота принесли ей всемирную популярность и сделали настоящим секс-символом Европы 50-х годов. Она ввела в моду бикини, клетчатую одежду и прическу «Бабетта».

Образ красавицы Бриджит Бардо и сейчас еще вдохновляет дизайнеров на создание коллекций. Весенняя коллекция — 2013 от Erin Fetherston появилась благодаря фотографии актрисы, на которой она одета в желтое платье из страусовых перьев. Наряды Erin Fetherston смогли показать дух Бриджит Бардо: легкий гламур, женственность и романтичность.

А модный дом Lancel посвятил Бриджит Бардо линию сумочек, которые «отражают женственность, элегантность, чувственность и фигуру великой актрисы». Бренд отмечает, что «главное в сумках Lancel BB — это серьезные экологические убеждения, которых придерживается и сама Бриджит».

По ней сходил с ума весь мир: мужчины ее хотели, добропорядочные женщины ненавидели. На экране она была такой же, как в жизни — порывистой, непредсказуемой, нежной и вздорной, с огромными лучистыми глазами, сияющей улыбкой и золотой головой, делающей ее похожей на львенка.

Даже после того, как ББ ушла из кино, она оставалась желанной, на кинофестивалях ее все еще осаждали поклонники, толпа, встречавшая Бардо у трапа самолета, бросала ей под ноги цветы, ей присуждали премии.

С годами девочка с сияющей улыбкой, когда-то покорившая весь мир, не превратилась в усталую, разочарованную женщину. Хотя ей и пришлось испытать несколько профессиональных провалов, она достигла много! Благодаря Бриджит Бардо в мире стало меньше боли — раньше на французских скотобойнях животные умирали медленной мучительной смертью. Она боролась с мясниками пять лет и сумела положить этому конец. Благодаря ее усилиям перестали убивать детенышей котиков. Она спасла обезьян, которых авиафирмы, испытывая ремни безопасности, живыми катапультировали в бетонную стену. Бардо строит приюты для животных, лечит, выхаживает, собирает вокруг себя таких же энтузиастов — ее вилла превратилась в настоящий зоопарк.

И главное — Бриджит Бардо не меняется — теперь это можно сказать совершенно точно. Ее стиль — это стиль Бриджит. Стиль девчонки, которая делает все, что ей захочется, потому что она красива, и поэтому ей все прощают. Ей уже 79 лет, и она до сих пор носит цветы в волосах, которые укладывает так, как будто ей 18.